

Библиотечная полиция

Автор:

Стивен Кинг

Библиотечная полиция

Стивен Кинг

Четыре после полуночи #3

В библиотеке маленького айовского городка причудливо изгибаются пространство и время, из самых темных глубин подсознания выходит безжалостный мститель-полицейский, а тихая женщина постепенно обращается в жуткое нечто, питающееся человеческим страхом...

Стивен Кинг

Библиотечная полиция

Посвящается сотрудникам и посетителям Пасадинской публичной библиотеки

По поводу «Библиотечной полиции»

В то утро, когда началась эта история, я сидел и завтракал со своим сыном Оуэном. Жена уже отправилась наверх принимать душ и одеваться. Как всегда, в семь утра внимание наше было поделено между омлетом и газетой. Уиллард

Скотт, привычный гость в нашем доме по будням, вещал с экрана про некую даму из Небраски, которой стукнуло сто четыре года, но ни один из нас внимания на телевизор не обращал. Словом, для семейства Кингов это было совершенно обычное деловое утро.

Оуэн оторвался от спортивного раздела газеты только для того, чтобы спросить меня, не собираюсь ли я сегодня заглянуть в торговый центр – для школьного сочинения ему нужна была книга. Сейчас уже забыл, возможно, речь шла о «Джонни Тримейне» или об «Апрельском утре», романе Говарда Фаста про Войну за независимость. Но помню, что сын мой имел в виду одну из тех книг, которые просто так в магазине не встретишь: либо тираж уже распродан, либо ее только собираются допечатывать, либо еще что-то в том же духе.

Я посоветовал Оуэну воспользоваться местной библиотекой, имевшей прекрасную репутацию, так как был уверен, что уж там-то нужная ему книга наверняка найдется. Однако мой отпрыск недовольно буркнул что-то в ответ. Я разобрал всего пару слов, которые сразу привлекли мое внимание. «Библиотечная полиция» – вот что он сказал.

Я отложил свою половину газеты, нажал на пульте кнопку «выкл. звук», удавив Уилларда на полуслове вдохновенного репортажа о конкурсе красоты в Джорджии, и попросил Оуэна сделать мне любезность – повторить сказанное. Парень упирался, но я стоял на своем. Наконец он признался, что библиотекой пользоваться не любит из страха перед Библиотечной полицией. То есть, поспешно добавил мой сын, он прекрасно знает, что никакой Библиотечной полиции в природе не существует. Просто, насколько я понял, давали о себе знать давние детские страшилки, угнездившиеся в глубинах подсознания. Оуэну было лет семь или восемь, когда тетя Стефания, оказывающаяся, поведала ему историю о Библиотечной полиции, и страх перед ней оказался на редкость живучим.

А вот меня рассказ сына привел в восторг. Ведь и я в детстве панически боялся Библиотечных полицейских – безликих и свирепых дяденек, – которые безо всяких там шуточек могли вломиться к тебе домой, если вовремя не вернуть взятые в библиотеке книги. История сама по себе скверная... а что, если книги эти отыскать не удастся? Что тогда? Что сделают с тобой эти громилы? Что заберут взамен пропавших томиков? Я уже давно не вспоминал Библиотечную полицию (хотя лет шесть или семь назад обсуждал эту тему с Питером Штраубом и его сынишкой Беном). Но вот теперь все вопросы, что я задавал себе

в далеком детстве, все мои детские страхи снова возвратились ко мне.

В последующие три или четыре дня я постоянно ловил себя на том, что размышляю о Библиотечной полиции, и вскоре у меня стали появляться первые короткие наброски вот этого повествования. Нередко замыслы рождаются у меня именно подобным образом, но, как правило, я их «вынашиваю» намного дольше, чем в данном случае. Как бы то ни было, начав работу над романом, который так и назвал – «Библиотечная полиция», – я еще не слишком ясно представлял, во что это все выльется. Порой даже казалось, что из-под моего пера выйдет нечто забавное, наподобие деревенских кошмариков, которые так удачно лепил Макс Шульман. В конце концов, разве сама идея не забавна? Ну только подумайте – Библиотечная полиция! Чушь какая!

Я окончательно убедился в том, о чем догадывался и раньше: детские страхи поселяются в нас надолго, порой даже навсегда. Сочинительство – это почти всегда самовнушение, и давно забытые страхи, затаившиеся в вашей душе в раннем возрасте, могут неожиданно просыпаться и проявлять себя с необычайной силой.

Именно так и случилось со мной во время работы над новым произведением. А ведь в детстве я обожал посещать библиотеку, не мыслил себя без нее. Где еще можно было раздобыть интересные книги мальчику из довольно бедной семьи? Выстраивая этот роман, я постепенно вспомнил и осознал: когда-то, давным-давно, в глубине души я боялся заблудиться в лабиринте стеллажей книгохранилища, боялся, что меня не заметят в темном углу читального зала и запрут на всю ночь, боялся седовласую старушку-библиотекаршу в пенсне и с почти безгубым ртом; она всегда больно щипалась и шикала на нас, детей, когда мы забывали, где находимся, и начинали разговаривать слишком громко. И конечно же я панически боялся Библиотечную полицию.

В итоге мою новую рукопись постигла та же судьба, что и «Крестину». Написав каких-то тридцать страничек, я заметил, что юмор быстро улетучивается, а еще страниц двадцать спустя повествование уже вело меня по мрачным дебрям подземелья, в которых я так часто блуждал, но самые сокровенные закоулки его до сих пор так и не исследовал. В конце концов мне удалось найти человека, которого я так долго разыскивал, и даже, набравшись храбрости, заглянуть в его безжалостные серебристые глаза. Я попытался набросать его портрет и показать тебе, мой Верный читатель, но не уверен, что мне это удалось.

Дело в том, что, когда я его рисовал, мои руки – как ни совестно в этом признаваться – тряслись от страха.

Глава 1

Замена

1

А виной всему, как решил потом Сэм Пиблс, был этот чертов акробат. Не нажрись он как свинья столь некстати, Сэм никогда не угодил бы в такой переплет.

Это еще полбеды, думал он с горечью, для которой имел уже полное основание, что жизнь подобна узкому бревну, перекинутому через бездонную пропасть; бревну, по которому нам предстоит пройти с завязанными глазами. Это, конечно, скверно, но не безнадежно. Но вот когда при этом еще в спину толкают...

Но обо всем этом потом. Сначала, еще до Библиотечной полиции, был напившийся в стельку акробат.

2

В Джанкшен-Сити последнюю пятницу каждого месяца в местном «Ротари-клубе» проводился традиционный вечер ораторов. В последнюю пятницу марта 1990 года бизнесменов должен был развлекать Невероятный Джо, акробат из странствующего цирка «Карри и Трембо».

Телефон на столе Сэма Пиблса в конторе «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Сити» зазвонил в четверг, в 16.30. Сэм снял трубку. Он

всегда отвечал на звонки сам – лично или с помощью автоответчика, – поскольку являлся единоличным владельцем и служащим «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Сити». Человек он был небогатый, но вполне счастливый. Не уставал твердить, что первый «мерседес» – это дело будущего, и довольствовался почти новым «фордом», в придачу владел домом на Келтон-авеню.

Сэм любил повторять, что благодаря своему бизнесу стал стреляным воробьем, что на мякине его не проведешь, хотя и не представлял, что такое мякина. Полагал, что это нечто вроде пластилина.

– «Компания по недвижимости и...»

– Сэм, это Крейг. Акробат шею сломал.

– Что?

– Что слышал! – нервно проорал Крейг Джонс. – Паршивый акробат свернул себе шею!

– Ага, – выдавил Сэм. – Черт! – Затем, чуть поразмыслив, осторожно осведомился: – Он умер, Крейг?

– Нет, жив, хотя по мне – так лучше бы сдох. В больнице Сидар-Рапидс его дурацкую шею заковали в двадцать фунтов гипса. Билли Брайт мне позвонил и рассказал, что, оказывается, этот тип заявился на утреннее представление пьяный в сосиску и после первого же сальто плюхнулся прямо на голову, хруст был даже на галерке слышен. Слово кто-то на свежую корочку льда наступил.

– Фу-ты! – поморщился Сэм.

– Лично я ничуть не удивлен. Должен же Невероятный Джо оправдывать свою кличку. И вообще – что за дурацкое имя для циркового артиста? Я понимаю – Невероятный Рэндольф. Или хотя бы Невероятный Тортеллини. Но Невероятный Джо? По-моему, у этого парня давненько неладно с мозгами.

– Господи, скверная история!

– Да уж, мы теперь по уши в дерьме. И между прочим, старичок, остались без выступающего на завтрашний вечер.

Сэм уже жалел, что не ушел из конторы ровно в четыре. Крейгу пришлось бы изливать душу перед Сэмом-автоответчиком, тогда как у Сэма-человека было бы больше времени подумать. А он хорошо понимал, что время на раздумья ему понадобится, и очень скоро. Но еще лучше Сэм понимал, что Крейг Джонс не даст на размышление ни минуты.

– Да. Похоже, что это так. – Сэм надеялся, что его слова прозвучали философски и с достаточной долей сочувствия. – Прескверная история.

– Разумеется, – подтвердил Крейг и тут же взорвал бомбу. – Но я знаю, ты с радостью заткнешь брешь своим телом и не дашь нашему кораблю пойти ко дну.

– Я? – в ужасе выкрикнул Сэм. – Крейг, ты шутишь! Я и кувырка-то не могу сделать, не говоря уж о сальто...

– На мой взгляд, ты вполне способен порассуждать о важной роли частного бизнеса в жизни нашего городка, – неумолимо продолжил Крейг Джонс. – Вторым вариантом на выбор – бейсбол. Если и это не устраивает, то тебе остается только снять штаны и потешить аудиторию своим голым задом. Учти, Сэм, я ведь не просто президент ораторского комитета, хотя и это немало. После того как Кенни уехал, а Карл отошел от дел, весь ораторский комитет – это я. Ты должен мне помочь. На завтрашний вечер мне необходим выступающий. Во всем нашем чертовом клубе можно найти лишь полдюжины парней, на которых я могу положиться, и ты один из них.

– Но...

– Ко всему прочему ты единственный, к кому я еще ни разу не обращался в подобной ситуации. Словом, старина, ты избран единогласно.

– Фрэнк Стивенс...

– ...уже подменял в прошлом году парня из профсоюза, которого осудили за мошенничество. Как ни крути, Сэм, – очередь твоя. Ты не имеешь права подвести

меня. Ты мой должник!

- Но я занимаюсь страхованием! - взвыл Сэм. - Если не выписываю полисы, то продаю фермы! Причем в основном банкам. Любой скажет - во всем свете нет занятия скучнее. Или даже отвратительнее.

- Пустяки, - отмахнулся Крейг, хладнокровно добивая свою жертву. - Сам знаешь, к концу ужина все уже назююкаются в стельку. В субботу утром никто и слова из всей твоей речуги не вспомнит. Но в данную минуту мне необходим оратор на завтрашний вечер, и им будешь ты!

Сэм еще вяло поупирался, но Крейг был непреклонен. Все жалобные стенания и доводы Сэма в пух и прах разбивались о его краткие, но веские приказания. Надо. Должен. Придется.

- Ну хорошо, - уступил наконец Сэм. - Хватит! Сдаюсь.

- Вот и умница! - похвалил Крейг, голос его вмиг сделался масляным. - Помни - не больше тридцати минут. На вопросы можно еще минут десять отвести. Если они возникнут, конечно. Впрочем, при желании задницей тоже можешь покрутить. Сомневаюсь, будут ли они в состоянии ее разглядеть, но...

- Хватит, Крейг! - взмолился Сэм. - Это уже чересчур.

- О'кей. Извини! Закрываю поддувало! - Крейг довольно хихикнул.

- Ладно, давай заканчивать. - И Сэм извлек из ящика стола пластинку «Тамс», пилюли от изжоги; ему внезапно показалось, что в ближайшие часов двадцать восемь ему предстоит поглощать их одну за другой. - Сейчас мне по твоей милости придется засесть за эту чертову речь.

- Умница, - похвалил Крейг. - Запомни только - ужин начинается в шесть, а твое выступление назначено на половину восьмого. Что ж, алоха, как говорят у нас на Гавайях. Пока.

- Алоха, Крейг.

Сэм положил трубку, задумчиво уставился на телефон. К горлу уже подкатила горечь. Он громко рыгнул. Проклятие, а ведь еще пять минут назад в желудке были тишь да гладь!

И он проглотил первую пилюлю. Господи, сколько их еще будет?

3

И вот, вместо того чтобы, как планировал ранее, идти в кегельбан, Сэм заперся дома в кабинете – с блокнотом, тремя остро заточенными карандашами, пачкой «Кента» и полдюжиной банок пива «Джолт». Выдернув из розетки телефон, он закурил и хмуро уставился на желтоватую страничку. Пять минут спустя вывел вверху:

МАЛЫЙ БИЗНЕС: ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ АМЕРИКИ

Сэм произнес заглавие вслух, и ему понравилось. Может, и не совсем здорово, но недурно, вполне недурно. Не фонтан, конечно, но куда лучше, чем, скажем: «Коммунизм – угроза и опасность». К тому же прав Крейг – в субботу утром большинство членов клуба будут страдать от такого похмелья, что не вспомнят ни слова из его вчерашней речи.

Приободрившись, Сэм начал строчить:

«Когда в 1984 году я переехал в Джанкшен-Сити из могучего и процветающего Эймса...»

4

– «...вот почему сейчас, как и ясным сентябрьским утром 1984 года, я свято убежден, что малый бизнес не просто источник жизненной силы, но и основа процветания Америки, и даже всего Запада». – Сэм замолчал, загасил сигарету в пепельнице на столе своего офиса и выжидательно посмотрел на Наоми Хиггинс.

– Ну как вам?

Наоми была хорошенькая молодая женщина из Провербии, городка, раскинувшегося в каких-то четырех милях к западу от Джанкшен-Сити. Она жила со старенькой мамой в полуразвалившейся хибаре на берегу речушки Провербия-Ривер. Большинство членов «Ротари-клуба» знали Наоми, время от времени предлагая пари на то, какое событие случится раньше – обрушится ее лачуга или протянет ноги старушка-мать. Сэм не был уверен, заключалось ли хоть одно из таких пари на самом деле, но время от времени в чьих-то устах разговоры об этом возникали вновь и вновь.

Окончив колледж бизнеса в Айова-Сити, Наоми не только прекрасно стенографировала, но и быстро расшифровывала свою скоропись. Поскольку никто из женщин в Джанкшен-Сити таким талантом не обладал, немногочисленные бизнесмены буквально разрывали Наоми на части. Вдобавок, что также не вредило делу, у девушки были изумительные ножки. По утрам в будние дни она поочередно работала на пятерых клиентов – четверых мужчин и одну женщину. Среди них были два адвоката, банкир и два торговца недвижимостью. А днем Наоми возвращалась в свою развалюху, ухаживала за матерью и распечатывала надиктованные тексты.

Сэм Пиблс пользовался услугами Наоми по пятницам с десяти утра до полудня, однако сегодня утром он отложил корреспонденцию в сторону – хотя среди писем были такие, на которые требовалось срочно ответить, – и спросил Наоми, не согласится ли она его выслушать.

– Конечно, – кивнула Наоми.

Она немного встревожилась, подумав, не собирается ли Сэм, который одно время приударял за ней, сделать ей предложение. Но как только Сэм пояснил, что от нее всего-навсего требуется прослушать его тексты, Наоми успокоилась и в течение двадцати шести минут слушала речь с неподдельным вниманием.

- Не бойтесь, говорите правду, - потребовал Сэм, не дав ей и рта раскрыть.

- Хорошо, - одобрила Наоми. - Очень интересно.

- Не опасайтесь меня обидеть, - подначивал Сэм. - Выкладывайте все как есть, начистоту.

- Я и говорю. Все вполне нормально. К тому же, когда вы закончите, они уже...

- Наклюкаются и упадут под стол, - перебил Сэм. - Я и сам знаю.

Если поначалу такая перспектива его даже вдохновляла, то теперь немного разочаровывала. Слушая себя, он и сам пришел к выводу, что речь удалась.

- Одно только... - задумчиво начала Наоми.

- Что? - встрепенулся Сэм.

- Текст немного... как бы сказать... Ну, в общем, суховат, - нашлась она.

- Вот как, - огорченно вздохнул Сэм и протер глаза: до часа ночи он не вставал из-за стола, сначала сочиняя речь, а затем исправляя отдельные места.

- Но это легко поправить, - заверила Наоми. - Загляните в библиотеку и возьмите там пару книжек.

У Сэма вновь заняло под ложечкой, и он поспешно схватил пилюли. Только библиотеки ему не хватало! Ради какого-то идиотского выступления в «Ротари-клубе». Он еще ни разу не посещал местную библиотеку и особого желания нарушать свою традицию не испытывал. Однако Наоми слушала с таким вниманием, так старалась помочь, что с его стороны будет невежливым хотя бы не выслушать девушку.

- Что за книжки?

– Ну... всякая ерунда для развлечения. Вроде... – Наоми замялась, подыскивая нужное сравнение. – Помните жгучий соус-приправу, который подают в китайском ресторанчике?

– Да...

– Вот в таком духе. Шутки всякие, анекдоты. Потом еще очень полезная книга – «Любимые стихи американцев». В ней тоже может оказаться что-то полезное. Вдохновляющее по меньшей мере.

– Неужели там есть стихотворения, посвященные малому бизнесу? – усомнился Сэм.

– Стихотворные цитаты поднимают настроение. Не важно ведь, Сэм, о чем идет речь, главное – как их подать.

– Неужели в библиотеке есть сборники анекдотов специально для подобных случаев? – недоверчиво спросил Сэм, но тут же припомнил: в библиотеках попадаются даже книжонки, посвященные мелкому ремонту и модным парикам.

– Да.

– А вы откуда знаете?

– Одно время, когда Фил Брейкман баллотировался в сенат, я перепечатывала его речи. Он пользовался одной из таких книжек. Название только не помню. Почему-то все время на ум приходит «Бульварный юмор», но это точно не так.

– По-видимому, – согласился Сэм, представляя, какого сногшибательного успеха добился бы, рассказав пару смачных скабрзностей из «Бульварного юмора».

Однако он уже сообразил, к чему клонила Наоми, и ее предложение начинало нравиться ему все больше и больше. В конце концов, почему бы и в самом деле не приукрасить речь, разбросав тут и там несколько изюминок? Тем более что библиотека для того и существует. Когда не можешь чего-то найти, всегда можно спросить библиотекаря. Он ведь не просто так там сидит, разве нет?

– В крайнем случае можно оставить все как есть, – сказала Наоми. – Они ведь и правда упьются в сосиску. – И с сочувствием посмотрела на Сэма, затем, уже строго, взглянула на часы. – Остался всего час. Займемся письмами?

– Нет, – покачал головой Сэм. – Перепечатайте-ка лучше мою речь.

Он уже принял решение, что в обеденный перерыв прогуляется в библиотеку.

Глава 2

Библиотека (I)

1

Хотя за годы проживания в Джанкшен-Сити Сэм проходил мимо библиотеки сотни раз, именно сегодня он впервые как следует взглянул на нее и – что удивительно – тут же ее возненавидел.

Публичная библиотека Джанкшен-Сити – мрачная гранитная коробка с узенькими, как средневековые бойницы, оконцами – располагалась на пересечении Стейт-стрит с Миллер-авеню. Крытая шифером крыша выступала козырьком со всех четырех сторон, поэтому из-за сочетания окон-щелей с тенью от крыши фасад был похож на хмурую физиономию каменного истукана. В Айове подобная архитектура была широко распространена, и Сэм Пиблс, торговавший недвижимостью без малого двадцать лет, окрестил этот стиль Средне-Западным Безобразием. Весной, летом и осенью окружавшие здание клены немного скрадывали его отталкивающий вид, но сейчас, в самый разгар суровой айовской зимы, клены стояли голые, а сама библиотека напоминала гигантский склеп.

Сэму почему-то стало не по себе; он и сам не мог понять, в чем дело. Библиотека как библиотека – не тюрьма же времен инквизиции с камерами пыток. К горлу вдруг подкатила изжога. По какой-то странной причине изжога эта напомнила Сэму нечто... кажется, из отдаленного прошлого. Он положил в рот пилюлю,

разгрыз ее. Вдруг принял решение. Его речь и без цитат хороша. Не блистательная, но вполне приличная. Да и выступить ему предстояло не в ООН, а в местном «Ротари-клубе». К чертям все! Лучше вернуться в контору и заняться корреспонденцией, на которую утром не хватило времени.

Сэм уже повернул было вспять, но затем подумал: «Глупо все это. Чертовски глупо! Хочешь оставаться болваном? Пожалуйста. Но ведь ты согласился выступить, так почему бы не выступить с блеском?»

Сэм в нерешительности остановился на тротуаре перед входом в библиотеку. Сам он любил подтрунивать над «Ротари-клубом». Как, впрочем, и Крейг. Да и Фрэнк Стивенс. Молодые предприниматели Джанкшен-Сити поднимали встречи в клубе на смех. Но при этом почти никогда их не пропускали, и Сэму казалось, что он знает почему: в клубе заводили связи. Начинаящий бизнесмен мог познакомиться здесь с настоящими акулами местного делового мира. Вроде Элмера Баскина, например, банк которого два года назад сыграл главную роль в разорении торгового центра в Бивертоне. Или Джорджа Кэнди, который при желании с помощью одного звонка мог раздобыть трехмиллионные инвестиции.

Основной контингент клуба составляли мелкие сошки, болельщики студенческих баскетбольных команд, ребята, которые посещали парикмахерскую «Джимми», а спать ложились не в пижамах, а в майках и боксерских трусах, парни, способные целую ночь напролет кутить в барах. Но попадались среди них и финансовые гении Джанкшен-Сити, воротилы местного бизнеса. Не из-за них ли, кстати, Сэм с завидным постоянством посещал по пятницам этот клуб? И не из-за них ли Крейг так засуетился, когда паршивый акробатишка сломал свою дурацкую шею? Нет, шанс обратить на себя внимание таких людей дорогого стоит... но только в том случае, если не ударишь лицом в грязь! «К концу ужина все уже назююкаются», – сказал Крейг, да и Наоми так говорила, но Сэм вдруг с ужасом припомнил: он еще никогда не видел, чтобы Элмер Баскин пил что-нибудь крепче кофе. Никогда. И, возможно, не он один. Да, некоторые, конечно, упьются в стельку... Но отнюдь не все. А правят бал именно те, кто не упивается.

Сыграй по-умному, Сэм, и устроишь свою судьбу. Ничего невозможного в этом нет.

Да. Маловероятно, конечно, но – возможно. К тому же в «Ротари-клуб» Сэма подталкивало не только желание встретить видных деятелей; он всегда гордился своим стремлением вкладывать душу в любую работу. Пусть даже дело

и касалось какого-то пустячного выступления. Какая разница?

А тут его смутила какая-то задрипанная библиотека. Не пасовать же перед ней, в самом деле? Абсолютная дыра – даже кусты вокруг не растут.

Сэм уже двинулся было к крыльцу, но внезапно остановился как вкопанный. Странно, и почему вдруг ему взбрела на ум эта странная мысль? Да, кусты вокруг библиотеки не растут – и что тут такого? Сэм не мог понять, в чем дело, но почему-то именно отсутствие кустов волшебным образом повлияло на него. Забыв сомнения, он решительно поднялся по четырем каменным ступенькам, на мгновение приостановился. Здание казалось совершенно пустым. Он подумал: «Держу пари, что дверь заперта. В пятницу днем библиотека, наверное, закрыта». Почему-то это предположение его согрело.

Однако старинная ручка поддалась нажиму, и тяжелая дверь бесшумно распахнулась внутрь. Сэм очутился в тесном фойе с мраморным полом в черно-белую клетку. В центре одиноко торчал щит на одноногой стойке. На щите крупными буквами было выведено одно слово:

ТИШИНА!

И все. Даже не

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО!

или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а одно-единственное слово, сердитое и хмурое:

ТИШИНА!

– Ну-ну... – покачал головой Сэм.

Пробормотал он это еле слышно, но акустика была такая, что тихое бормотание разнеслось и многократно усилилось под сводами, заставив его поежиться. Сэм буквально ощутил, как отразилось его «ну-ну» от высоких потолков. Вдруг на мгновение показалось, что он снова учится в четвертом классе, а миссис Гластерс собирается устроить ему нахлобучку за дурное поведение. Он боязливо оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что из темного угла вынырнет разгневанная нарушением тишины библиотекарша.

Ладно, хватит дурака валять, приятель. Тебе уже сорок. Ты уже давно отучился в четвертом классе.

Хотя Сэму вовсе не казалось, что это было уж так давно. Именно здесь, в этом странном фойе, четвертый класс представлялся совершенно осязаемым, настолько близким, что его можно было потрогать, лишь слегка вытянув руку.

Осторожно, стараясь не топтать, Сэм пересек фойе слева от щита с предупреждающей надписью и вошел в главный вестибюль Библиотеки Джанкшен-Сити.

С потолка (который был футов на двадцать выше, чем в фойе) свешивались стеклянные шары, но ни один из них не горел. Свет проникал через два огромных слуховых окна, прорезанных в крыше. В солнечные дни здесь довольно светло; вестибюль даже выглядел веселым и гостеприимным. Но в эту пятницу небо заволокло свинцовыми тучами, и внутри царил серый полумрак. В углах пугающе темнели неясные тени-паутины.

Сэма Пиблса охватила неясная тревога. Как будто он что-то натворил. Не просто открыл дверь и пересек фойе, а вошел в какой-то незнакомый мир, не имевший ничего общего с захолустным городком в штате Айова, который он порой любил, порой ненавидел, а чаще всего просто воспринимал как должное. Даже воздух в помещении был словно гуще и тяжелее. Тишина же и вовсе казалась

материальной – густой, толстой, как одеяло, и ледяной, как снег.

В библиотеке не было ни души.

Со всех сторон высились безмолвные ряды книжных стеллажей. Сэм посмотрел наверх, на зарешеченные окна в крыше, и у него вдруг закружилась голова. На мгновение даже почудилось, что его самого подвесили за лодыжки и он висит вниз головой над глубокой квадратной ямой, заставленной книжными стеллажами.

Тут и там возле стен стояли раздвижные лестницы на резиновых колесах. Посреди обширного пустого пространства возвышались два деревянных островка. Первый – длинная дубовая подставка для журналов. Многочисленные журналы, каждый в пластиковом пакете, стояли в отдельных ячейках. Они чем-то напомнили Сэму шкурки неведомых зверюшек, выставленные на просушку. Плакат на самом верху подставки гласил:

ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ НА МЕСТО!

Слева от этого сооружения торчал одинокий книжный шкаф с новенькими книгами; здесь разместились беллетристика и научно-публицистические издания. Плакат на этом шкафу извещал, что все, взятое отсюда, должно быть возвращено не позднее чем через неделю.

Сэм двинулся по широкому проходу между стойкой с журналами и книжным шкафом. Как ни старался он ступать тише, каблуки его звонко цокали, а стук шагов перекатывался эхом под высоченными потолками. Сэм уже жалел, что пришел сюда, а не возвратился в контору.

Все здесь внушало ужас.

На столе библиотекаря мерно жужжал включенный аппарат для просмотра микрофильмов, но и за столом тоже никого не оказалось. Только стояла небольшая табличка, на которой было выведено:

А. ЛОРЦ.

Самого же или самой А. Лорц нигде не было видно.

«Должно быть, сидит в каком-нибудь углу, погрузившись в свежий выпуск «Библиотечного журнала», – подумал Сэм, и ему вдруг захотелось заорать: «Как дела, А. Лорц? Все в порядке?»

Но желание это тут же прошло. Публичная библиотека Джанкшен-Сити совершенно не подходила для подобных ребяческих выходов.

Внезапно Сэму вспомнилась забытая детская считалочка: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить – все равно тебе водить». «Интересно, – подумал Сэм, – если скорчить рожицу или показать язык – заставит ли тебя водить А. Лорц?» И снова оглянулся по сторонам, каждой клеточкой своей впитывая в себя жутковатую атмосферу.

Позабыв уже о своем намерении взять сборник анекдотов или «Любимые стихи американцев» и вопреки собственным ожиданиям заинтригованный этим необычным местом, Сэм направился к двери справа от шкафа с новинками. Судя по табличке, там размещалась детская библиотека. Брал ли он книги в библиотеке, когда был маленьким и жил в Сент-Луисе? Сэму казалось, что да, хотя воспоминания были неясные, расплывчатые, так и норовившие ускользнуть. Тем не менее Сэму вновь стало не по себе. Ему вдруг показалось, что он снова возвращается туда, где уже когда-то, очень давно, побывал.

Дверь была закрыта. На ней висел плакат, изображающий Красную Шапочку, которая только что поняла, что перед ней Серый Волк, а не бабушка. Волк был облачен в бабушкин чепец и в ночную рубашку. С его оскаленных клыков капала пена. На лице Красной Шапочки застыл леденящий ужас. Смысл этой картинки, видимо, состоял в том, чтобы доказать: счастливый конец такой сказки – выдумка взрослых. Только безмозглые родители могут верить этой белиберде, говорило белое как мел лицо Красной Шапочки, а вот дети – никогда!

Замечательно, подумал Сэм. Самый подходящий плакат, чтобы привлечь детишек в библиотеку. Должно быть, малышня его обожает.

Открыв дверь, он заглянул внутрь. И тут же страхи Сэма рассеялись; он был очарован, и мгновенно.

Эта картинка на двери конечно же ровным счетом ничего не значила. Да и сам он, разумеется, посещал библиотеку, будучи малышом; одного взгляда на этот миниатюрный мирок хватило, чтобы все вспомнить.

Отец умер молодым, и Сэма воспитывала мать. Она столько работала, что мальчик видел ее разве что по воскресеньям и праздникам. Если денег на кино после школы наскрести не удавалось – а такое случалось очень часто, – Сэм отправлялся в библиотеку. И вот теперь комната, в которой он оказался, пробудила ностальгические воспоминания, одновременно милые, щемяще тоскливые и чем-то пугающие.

Да, тогда окружавший мир представлялся Сэму совсем крохотным, как и этот мирок, в котором он оказался сейчас. Как и в детстве, светлом и радостном даже в самые дождливые и пасмурные дни, здесь было светло. И никаких тебе висячих шаров из стекла; нет, эту комнату освещали лампы дневного света, укрепленные на низком потолке под матовыми плафонами; все они горели. Столы здесь были совсем маленькие. Стульчики же казались просто игрушечными. Да, взрослые в этом мирке выглядели бы незваными пришельцами, настоящими чужеземцами. Присев за стол, они непременно поддели бы его коленками, а захотев напиться из фонтанчика в дальней стене – расквасили бы себе носы.

Стеллажи с книгами здесь не подавляли, да и потолки были довольно низкие; не настолько, впрочем, чтобы детишкам тут казалось тесно и неудобно.

Отсутствовали здесь и нескончаемые ряды угрюмых корешков, а книжки, напротив, были все как на подбор яркие и красочные: синие, красные, желтые. Правил этой Волшебной страной Оз, а принцесса Дороти с друзьями путешествовала из Страны Гилликинов в Страну Кводлингов, стремясь в Изумрудный Город. Сэм вновь ощутил себя мальчишкой, заглянувшим после школы в библиотеку. Каждая книжка здесь словно молила, чтобы ее взяли в руки, потрогали, посмотрели, полистали. И все-таки во всем этом было нечто отталкивающее.

На стене висела фотография щенка с огромными задумчивыми глазищами. Под трогательной мордашкой щенка была начертана одна из величайших

человеческих мудростей: БЫТЬ ХОРОШИМ ОЧЕНЬ ТРУДНО. На противоположной стене красовался плакат, на котором была нарисована утка с выводком утят; они ковыляли по берегу к воде. УСТУПИТЕ ДОРОГУ УТЯТАМ! – призывала картинка.

Сэм посмотрел налево, и улыбка тут же сползла с его лица. На плакате был изображен огромный темный автомобиль, отъезжающий от школы. К боковому стеклу прижался мальчонка, рот которого был широко раскрыт в безмолвном вопле ужаса. А за ним темнел зловещий силуэт неведомого мужчины, вцепившегося в руль. Подпись гласила:

НИКОГДА НЕ САДИСЬ В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА!

Сэм понял, что и этот плакат, и картинка с Красной Шапочкой были призваны всего-навсего воспитать в детях чувство опасности, но его это почему-то встревожило. Разумеется, дети не должны подсаживаться в машины к незнакомым дяденькам, приглашающим прокатиться, но разве так следует учить этому?

Господи, подумал он, и скольких ребятишек должны по ночам мучить кошмары после этих плакатов?

При виде же следующего плаката, прямо над столом библиотекаря, по спине Сэма пробежал холодок и поползли мурашки.

Мальчик и девочка, лет восьми, в испуге жались друг к другу и пятились от огромного мужчины в полушинели и серой шляпе. Ростом великан был не меньше одиннадцати футов; тень его зловеще падала на поднятые в страхе детские лица. Тень отбрасывала и широкополая, в стиле 40-х годов, шляпа, а глубоко посаженные глаза угрожающе сверкали. Колючий взгляд, казалось, пронизывал бедных детишек насквозь. В вытянутой руке сверкала бляха со странного вида звездой – Сэму показалось, что у нее девять лучей. А то и десять. Призыв внизу плаката был такой:

НЕ СТАЛКИВАЙТЕСЬ С БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИЕЙ!

ХОРОШИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ СДАЮТ КНИЖКИ ВОВРЕМЯ!

Сэм вдруг почувствовал во рту приторный вкус. Станный и неприятный. В следующее мгновение вихрем пронеслась пугающая мысль: Я уже где-то видел этого человека! «Нет, это, конечно, нелепо, – отмахнулся Сэм. – Чушь какая!»

Сэм невольно представил, как испугался бы в детстве при виде такого плаката, сколько радости и удовольствия от посещения библиотеки похитило бы у него столь мрачное предостережение, и почувствовал, как внутри вскипает негодование. Сделав шаг к плакату, чтобы рассмотреть странную звезду поближе, он достал из кармана коробочку с пилюлями и уже отправлял одну в рот, когда сзади послышался голос:

– О, здравствуйте!

Сэм подпрыгнул и развернулся, готовый вступить в бой с библиотечным монстром, вырвавшимся на свободу.

2

Однако никаких монстров не увидел. Перед ним стояла дебелая седовласая женщина лет пятидесяти пяти и придерживала груженную книгами тележку на резиновых колесиках. Ее милостивое, еще не изборозженное морщинами лицо обрамляли серебристые волосы, видимо, после химической завивки.

– Вы, наверное, меня ищете? – спросила она. – Вас мистер Пекхэм сюда направил?

– Нет, я вообще никого не видел.

– В самом деле? Наверное, он уже домой ушел, – развела руками женщина. – Меня это ничуть не удивляет, ведь сегодня пятница. Мистер Пекхэм приходит сюда каждое утро к одиннадцати. Вытирает пыль и читает утреннюю газету. Он

у нас вроде вахтера. На сдельной оплате. Иногда, правда, задерживается до часу. Или даже до половины второго – в понедельник, например. В понедельник ведь и пыли больше всего скапливается, да и газеты самые толстые. В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски.

Сэм улыбнулся:

– А вы, значит, библиотекарь?

– Да, – улыбнулась в ответ миссис Лорц. Правда, Сэму показалось, что глаза ее не улыбаются; они смотрели на него пристально и почти холодно. – А вы...

– Сэм Пиблс.

– А, недвижимость и страховка! Знаем, знаем.

– Точно.

– Извините за то, что в главном зале никого не было. Вы, должно быть, решили, что мы уже закрылись, а входную дверь забыли запереть по ошибке.

– Откровенно говоря, – признался Сэм, – я подумал о чем-то подобном.

– С двух до семи нас здесь обычно трое. В два часа ведь уроки в школах уже кончаются. Дети, видите ли, главные наши читатели. И самые преданные. Лично я в детишках просто души не чаю. Когда-то у меня помощница была, но в прошлом году муниципалитет урезал наш бюджет на восемьсот долларов и... – Миссис Лорц сложила руки вместе и изобразила улетающую птичку.

Жест был забавный и трогательный. «Почему же я не тронут и не улыбаюсь? – удивился Сэм. – Наверное, из-за плакатов», – решил он. Красная Шапочка, кричащий ребенок в автомобиле и хмурый Библиотечный полицейский упорно не шли у него из головы.

Миссис Лорц приветливо и непринужденно протянула ему левую руку – маленькую и пухленькую, как и она сама. Сэм заметил, что кольца на среднем пальце нет; значит, она вовсе не «миссис». Дева. Что ж, обычное дело для

маленького провинциального городка. Что-то в этой даме есть карикатурное. Сэм пожал ей руку.

- Вы, по-моему, ни разу у нас не были, мистер Пиблс?

- Да, боюсь, что это так. Прошу вас, зовите меня Сэм. - Он и сам не знал, хочет ли, чтобы эта женщина называла его так, но деловая привычка взяла свое - в маленьком городе легче торговать, когда тебя знают и зовут по имени.

- Спасибо, Сэм.

Он рассчитывал, что и женщина представится в ответ, но та лишь выжидательно смотрела на него.

- Я оказался в затруднительном положении, - начал Сэм. - Наш сегодняшний лектор в «Ротари-клубе» пострадал в результате несчастного случая...

- Ах, какой ужас!

- И не только для него - для меня тоже. Мне придется заменить его.

- О-о-о! - протянула мисс Лорц.

Голос ее был преисполнен сочувствия, а вот глаза вдруг как-то странно заблестели. Сэм поймал себя на том, что никак не может подобрать ключик к этой женщине; он, который всегда мгновенно находил контакт с людьми (хотя бы поверхностный); он, почти не имеющий близких друзей, но тем не менее всегда затевающий в лифте разговоры с незнакомцами.

- Вчера вечером я написал речь, а сегодня утром прочитал ее одной молодой женщине, которая стенографирует и перепечатывает...

- Держу пари, что это Наоми Хиггинс.

- Да... откуда вы знаете?

– Наоми ведь у нас завсегда. Она кучами берет любовные романы – Дженнифер Блейк, Розмари Роджерс, Пол Шелдон и тому подобное. – Мисс Лорц вдруг перешла на шепот: – Уверяет, что, дескать, берет эти книжки для матери, но я убеждена, что она и сама их читает.

Сэм расхохотался. Ему не раз приходилось видеть в глазах Наоми мечтательное выражение, столь характерное для поклонниц романтического жанра.

– В любом случае она единственная женщина в нашем городе, обладающая профессиональными навыками секретаря. Так что нетрудно было догадаться, кого вы имели в виду.

– Да, вы правы. Наоми моя речь понравилась – так, во всяком случае, она сказала, – правда, сочла ее несколько суховатой и посоветовала мне воспользоваться...

– «Помощником оратора» – не сомневаюсь!

– Точное название она не вспомнила, но, похоже, имела в виду именно это. – Чуть помолчав, Сэм взволнованно спросил: – А шутки и анекдоты в нем есть?

– Да, каких-нибудь триста страниц, – ответила мисс Лорц и, вытянув правую руку – тоже без колец, – прикоснулась к его рукаву. – Пойдемте со мной. – Так и провела Сэма до двери, держа за рукав. – Я помогу вам. Надеюсь только, что в следующий раз вы заглянете к нам сами, не дожидаясь критической ситуации. Библиотека у нас, правда, маленькая, но богатая. Впрочем, возможно, я не совсем объективна.

Они вошли в главный зал библиотеки, сразу оказавшись во власти мрачных теней. Мисс Лорц щелкнула несколькими выключателями у двери, и висючие шары вспыхнули, озарив зал мягким желтоватым светом.

– В пасмурные дни здесь бывает довольно мрачно, – доверительно промолвила она, по-прежнему не отпуская рукав Сэма. – Вам-то, конечно, известно, как в нашем магистрате негодуют из-за перерасхода электричества в подобных заведениях... В любом случае об этом несложно догадаться, не правда ли?

– Пожалуй, да, – согласился Сэм, тоже почему-то шепотом.

– Впрочем, это еще пустяки по сравнению со счетами за отопление зимой. – Она закатила глаза. – Нефть у них, видите ли, подорожала. А все эти чертовы арабы... Кошмар, что они вытворяют – нанимают религиозных фанатиков, чтобы убивать писателей!

– Да, тут они, пожалуй, перегибают палку, – согласился Сэм и неожиданно для себя снова вспомнил плакат с высоким мужчиной – тем самым, со странной звездой и зловещей тенью, падавшей прямо на перепуганные детские мордашки.

Он хотел уже спросить про все эти плакаты, но мисс Лорц опередила его.

– Дайте мне одну минутку, – попросила она и вдруг обхватила его за плечи, для чего ей пришлось встать на цыпочки; у Сэма даже мелькнула дурацкая мысль, что библиотекарьша собирается поцеловать его, но она лишь таким необычным способом усадила его на деревянную скамью возле шкафа с новинками. – Я знаю, Сэм, где стоят нужные вам книги. Мне даже не надо уточнять это по каталогу.

– Но я бы и сам мог их взять...

– Не сомневаюсь, – сказала мисс Лорц, – но они находятся в справочно-библиографической секции, а я стараюсь по возможности ограничивать доступ туда. Может, я и излишне требовательна, но зато всегда знаю, где что найти. Сами знаете – люди такие неаккуратные, так редко соблюдают порядок. Тяжелее всего, конечно, с детьми приходится, хотя и среди взрослых порой такие хулиганы попадают. Но вы не беспокойтесь. И глазом моргнуть не успеете, как я вернусь.

Он и не собирался возражать, хотя при всем желании не успел бы этого сделать. Мисс Лорц едва закончила фразу и – была такова. Сэм, сидя на скамье, вновь почувствовал себя четвероклассником, причем почему-то нашкодившим. Словно его наказали за какую-то шалость и запретили играть с другими ребятами.

Сэм слышал, как мисс Лорц возилась в комнатке за абонементным столом. Он осмотрелся по сторонам. Одни книги... ни тебе даже пенсионера какого-нибудь,

углубившегося в газету или листающего журнал. Странно. Понятно, что наплыва читателей в такой библиотеке по будням ожидать не приходится, но чтобы совсем никого?

«Был здесь, правда, мистер Пекхэм, – вспомнил он, – но ушел домой, дочитав газету. В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски. Да и пыли – кот наплакал». И тут же сообразил: ведь о том, что мистер Пекхэм и вправду был здесь, он знал лишь со слов мисс Лорц.

Но с какой стати ей понадобилось врать?

Сэм этого не знал, да и сомневался, что библиотекарша солгала; однако сам факт того, что он усомнился в честности столь приятной на вид женщины, удивительным образом подчеркнул главную и странную особенность их знакомства: мисс Лорц не понравилась Сэму с первого взгляда. Даже несмотря на ее улыбки и обходительность.

«Все дело в плакатах. Ты уже заранее невзлюбил ВСЕХ, кто мог развесить подобные творения в детской читальне. Впрочем, не все ли равно? Бери книги и выметайся отсюда».

Сэм беспокойно заерзал на скамье, задрал голову и увидел на стене изречение:

Если хочешь знать, как мужчина обращается с женой и с детьми, посмотри, как он относится к своим книгам.

Ральф Уолдо Эмерсон[1 - Эмерсон Ральф Уолдо (1803-1882) – американский философ и писатель. – Здесь и далее примеч. пер.].

Почему-то и этот афоризм Сэму не приглянулся. Он и сам не знал, по какой причине... возможно, потому, что считал: даже самый заядлый книжный червь должен обращаться с семьей чуточку лучше и бережнее, чем с обычным чтивом. Тем не менее изречение, начертанное золотыми буквами на дубовой панели, по-прежнему бросалось Сэму в глаза, словно призывая поломать голову над этим изречением.

Однако не успел Сэм погрузиться в размышления, как появилась мисс Лорц и приподняла планку, преграждавшую выход из-за стола в читальный зал.

– Кажется, Сэм, мне удалось раздобыть все, что вам требуется, – весело проворковала она. – Надеюсь, вы со мной согласитесь.

И вручила ему две книги. «Помощник оратора» под редакцией Кента Эдельмена и «Любимые стихи американцев». Содержание последней, судя по обложке (облаченной в прозрачную суперобложку), никто не редактировал, в строгом смысле слова; некая Хейзел Феллиман лишь отобрала для нее стихи. «Стихи о любви» – обещала реклама на обложке. «Стихи о матери и родном доме! Шутливые и пародийные! Стихи, которые чаще всего спрашивают читатели «Нью-Йорк таймс бук ревью!»» Из отзывов следовало также, что Хейзел Феллиман «держала руку на поэтическом пульсе всего американского народа».

Сэм воззрился на книгу с некоторым недоверием, но мисс Лорц без труда прочитала его мысли.

– Я понимаю, на первый взгляд они выглядят немного устаревшими, – сказала она. – Особенно в наше время, когда подобной литературы хоть пруд пруди. Не сомневаюсь, что, приехав в Сидар-Рapidс, вы легко в любом магазине найдете дюжину книг для начинающего оратора. Но ни одна из них, Сэм, этой даже в подметки не годится. Лично я считаю, что для любого начинающего лектора эта книга – просто находка.

– Для новичка то есть, – с улыбкой уточнил Сэм.

– В общем, да. Возьмем, скажем, «Любимые стихи американцев». Вторая часть, начинающаяся, если память мне не изменяет, на странице шестьдесят пять, называется «Вдохновение». Здесь вы наверняка найдете изюминку для своего выступления. Кстати, даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память. Особенно если они слегка...

– Заложили за ворот, – ухмыльнулся Сэм.

– Я хотела сказать – навеселе, – промолвила мисс Лорц с легкой укоризной и протянула ему сборник «Помощник оратора», – хотя не сомневаюсь, вам это

лучше известно.

На обложке карикатурист изобразил просторный зал, украшенный флагами. За столами с коктейлями и прочими спиртными напитками небольшими группками сидели мужчины в вечерних костюмах. Все веселились. Мужчина на сцене – тоже в вечернем костюме – радостно ухмылялся. Было видно, что его слушали с восторгом.

– В начале этого раздела приводятся общие советы о том, как строить речь, – сказала мисс Лорц. – Но поскольку мне не кажется, что вы собираетесь сделать риторику своей профессией...

– Это точно! – поспешил согласиться Сэм.

– ...то я предлагаю вам начать со следующего раздела, который называется «Речь живая и образная». В нем вы найдете множество шуток и анекдотов, разбитых на три категории: «Как их подготовить», «Как их распалить» и «Как подвести их к финишу».

«Можно подумать, будто речь идет об учебнике для сексуально озабоченных», – подумал Сэм, но вслух, конечно, этого говорить не стал. Однако мисс Лорц снова разгадала его мысли.

– Возможно, это сейчас звучит несколько двусмысленно, но книга была издана в те годы, когда люди были проще и целомудреннее. А именно – в конце тридцатых.

– Да, это точно, – поддакнул Сэм, вспомнив предвоенные фильмы.

– Тем не менее обе книги нисколько не утратили актуальности, – промолвила мисс Лорц, для убедительности постукивая по обложкам костяшками пальцев. – А ведь что, Сэм, главное в бизнесе? Результаты?

– Да... пожалуй, да.

Он устремил на нее задумчивый взгляд, мисс Лорц приподняла брови и спросила:

– О чем вдруг задумались?

– О том, как удивительно это совпадение, – ответил он. – Не сказать чтобы неслыханное, но достаточно редкое. Я пришел сюда, чтобы взять пару книг – просто чтобы расцветить свое выступление, – и вдруг вы приносите мне именно те книги, ради которых я и пришел. Насколько редким можно считать подобное совпадение в жизни, когда даже мясник тебе специально пары приличных телячьих отбивных не подберет?

Она улыбнулась. Искренне на первый взгляд... но только Сэм вновь заметил, что ее глаза не улыбаются, казалось, их выражение не изменилось со времени его прихода – или ее прихода – в детский читальный зал. Глаза мисс Лорц пристально разглядывали его.

– Мне кажется, я только что выслушала комплимент!

– Да, мэм. Вы правы.

– Спасибо, Сэм. Большое спасибо. Говорят, лестью можно добиться чего угодно, но, боюсь, мне все равно придется попросить у вас два доллара.

– Вот как?

– Это обычная плата за оформление абонеента для взрослого, – пояснила она. – Он действителен в течение трех лет, а продление обойдется вам всего в пятьдесят центов. Устраивает?

– Вполне.

– Тогда пройдите сюда, пожалуйста.

Сэм проследовал за ней к столу.

Он заполнил формуляр – имя, фамилию, адрес, телефонные номера и место работы.

– О, я вижу, вы на Келтон-авеню живете. Замечательно!

– Мне нравится.

– Дома там большие и красивые – жаль, что вы не женаты.

Сэм испуганно вздрогнул:

– Как вы догадались?

– Так же, как и вы, – с хитрецей и чуть-чуть по-кошачьи улыбнулась мисс Лорц. – Кольца на среднем левом пальчике нет.

– Ах вот оно что! – смутился Сэм и выдавил из себя улыбку. Но, почувствовав, что она вышла не слишком лучезарной, покраснел как рак.

– Два доллара, пожалуйста.

Он протянул две однодолларовые бумажки. Мисс Лорц подошла к допотопной пишущей машинке на маленьком столике и быстро напечатала что-то на ярко-оранжевой карточке. Затем принесла ее к своему столу, расписалась с росчерком внизу, протянула карточку Сэму и попросила:

– Проверьте, пожалуйста, правильно ли я все записала.

Сэм проверил.

– Все верно.

Он заметил, что ее зовут Арделия. Красивое имя, хотя и довольно необычное.

Мисс Лорц взяла его новенький формуляр – Сэм припомнил, что это его первый формуляр после учебы в колледже, – и положила под аппарат для просмотра

микрофильмов рядом с карточкой.

– Поскольку обе книги из справочно-библиографической секции, – сказала она, – держать вы их можете только одну неделю. В этой секции я храню книги, которые пользуются повышенным спросом.

– Неужели подготовка речей у нас сейчас в моде?

– Да, так же, как книги по ремонту сантехники, показу простейших фокусов, овладению хорошими манерами... Вы просто не поверите, за чем порой обращаются люди в трудную минуту. А вот я это знаю.

– Еще бы.

– Я уже давно занимаюсь этим делом, Сэм. Кстати, продлить срок пользования этими книгами я не могу, так что постарайтесь вернуть их к шестому апреля. – Она приподняла голову, и в глазах ее не то чтобы мелькнули огоньки, нет – глаза засияли. Торжественно и жутковато. Сэму вдруг ненадолго представилось, что вместо глаз у Арделии Лорц – две блестящие никелевые монетки.

– А если нет? – осведомился он, натянуто улыбаясь.

И она ответила:

– В противном случае мне придется отправить к вам Библиотечного полицейского.

4

На мгновение их взгляды скрестились, и Сэму вдруг показалось, что он видит настоящую Арделию Лорц – женщину, в которой нет ни тени очарования, ни мягкости, ни иных черт, какими могла бы обладать незамужняя библиотекарьша как женщина.

«Эта женщина может быть опасна, – подумал Сэм, но тут же, немного сконфуженный, отогнал эту мысль прочь. Мрачный день, а возможно, и волнение из-за предстоящей речи – все это повлияло на его настроение. – Она не более опасна, чем сушеная слива... да и не в погоде вовсе дело, и даже не в этой чертовой речи. Все из-за этих паршивых плакатов».

Зажав под мышкой сборник «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев», Сэм уже у двери заметил, что Арделия Лорц провожает его. Он тут же остановился. Библиотекарша удивленно вскинула голову.

– Мисс Лорц, могу я задать вам один вопрос?

– Конечно, Сэм. Я для того и работаю здесь, чтобы на вопросы отвечать.

– Я имею в виду детский зал, – сказал Сэм. – А именно – вывешенные там плакаты. Некоторые из них меня просто поразили. Точнее, почти шокировали.

Он рассчитывал произнести это нравоучительным тоном баптистского проповедника, обнаружившего на столе у прихожанина свежий выпуск «Плейбоя», но так не удалось. «Потому, – решил Сэм, – что я вовсе не в назидание говорю. Я и вправду был шокирован, безо всяких «почти».

– Плакаты? – удивилась она, но уже в следующий миг ее лоб разгладился, и мисс Лорц рассмеялась. – Понимаю. Вы, разумеется, подразумеваете Библиотечного полицейского и Растяпу Саймона.

– Какого еще Растяпу Саймона?

– Я имею в виду плакат, на котором написано: «НИКОГДА НЕ САДИСЬ В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА!» А Растяпой Саймоном дети прозвали изображенного на нем мальчишку. Того, что кричит. Должно быть, прозвище ему дали в знак презрения. Что он разорался-то?

– Он не орет, он кричит от ужаса, – сухо пояснил Сэм.

– Кричит, орет – какая разница? – Мисс Лорц пожала плечами. – У нас таких случаев не бывает. Дети у нас славные – очень воспитанные.

- Не сомневаюсь, - произнес Сэм.

Уже в вестибюле Сэм снова увидел щит с надписью. Нет, не

МОЛЧАНИЕ - ЗОЛОТО!

Или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а лишь повелительное и беспрекословное:

ТИШИНА!

- К тому же это ведь с какой стороны посмотреть, не так ли?

- Наверное, - ответил Сэм.

Он прекрасно понимал, что его умело загоняют в угол и последнее слово при этом останется за Арделией Лорц. Сэму вдруг показалось, что для нее такое занятие привычно, и эта мысль тут же настроила его на боевой лад.

- И все-таки, на мой взгляд, такое недопустимо, - уже в дверях продолжил Сэм.

- В самом деле? - вежливо поинтересовалась мисс Лорц.

- Да. Они просто устрашающие. - Сэм наконец высказал то, что его мучило. - Нельзя вешать такие плакаты в местах, где бывают дети.

Сэм мог только надеяться, что слова его не производят впечатления ханжеских нравоучений. Но с досадой заметил, что мисс Лорц улыбается.

– Вы не первый человек, Сэм, кто говорит мне об этом. Бездетные взрослые хотя и редко, но заходят в этот зал, забирают чьих-то детей – дяди, тети, дружки матерей-одиночек, задержавшихся на работе... или люди вроде вас, Сэм.

Которые обращаются сюда в трудную минуту, добавили ее холодные серо-голубые глаза. Люди, которые обращаются сюда за помощью, а потом, ПОЛУЧИВ ее, начинают критиковать библиотечаршу. И как она управляет Публичной библиотекой Джанкшен-Сити.

– Вы считаете, что я возвожу на вас напраслину? – примирительно промолвил Сэм, хотя на самом деле был готов рвать и метать, но привычка следовать правилам хорошего тона одержала верх.

– Вовсе нет. Просто мне кажется, что вы не понимаете. Прошлым летом, Сэм, мы провели голосование – в рамках ежегодной программы летнего чтения. Любой ребенок получает один голос за каждую прочитанную книгу. Таким образом мы поощряем детей, развивая у них привычку к чтению. Лично я вижу в этом свой основной долг.

Мы прекрасно знаем, что делаем, говорил Сэму ее твердый взгляд. В отличие от некоторых. Я еще держусь с вами вежливо. Хотя вы раньше сюда и не заглядывали, а теперь суете нос не в свое дело и еще критиковать меня вздумали.

Он почувствовал себя обвиняемым. Пока эта Лорц не одержала над ним верх в словесной дуэли, но Сэм прекрасно понимал, что его вынуждают отступить.

– Так вот, в результате последнего голосования любимым фильмом у детей был признан «Кошмар на улице Вязов. Часть 5». Любимой рок-группой стала «Ганз энд роузез», а на втором месте оказался Оззи Осборн, который, насколько я знаю, славится тем, что во время концертов откусывает головы живым зверькам. Любимой книгой избрали роман ужасов Роберта Маккаммона «Лебединая песня». Так вот, Сэм, мы никак не можем застать эту книжку в достаточном количестве. За несколько недель дети ее до дыр зачитывают. Я даже отдала переплести одну книгу, так ее тут же украли. Какой-то гадкий ребенок. –

Библиотекарша обиженно поджала губы. – Второе место занял другой роман ужасов – про кровосмешение и избиение младенцев – «Цветы на чердаке»[2 - Роман В. К. Эндрюс.]. Он вообще уже пять лет кряду в лидерах ходит. Несколько человек даже «Пейтон плейс»[3 - Роман Грейс Металиес.] назвали.

И она смерила Сэма вызывающим взглядом.

– Лично я «Кошмар на улице Вязов» не смотрела и смотреть не собираюсь. Я также никогда не слушала и не испытываю желания прослушать хоть одну пластинку Оззи Осборна, равно как и читать Роберта Маккаммона, Стивена Кинга или В. К. Эндрюс. Понимаете, куда я клоню, Сэм?

– Возможно. Вы хотите сказать, что было бы несправедливо... – Он замолчал в поисках подходящего слова, затем вспомнил его: – ...Навязывать детям свои вкусы.

Она снова улыбнулась – одними губами, но не глазами, в которых опять засияли никелевые монетки.

– В какой-то степени, но это не все. Те плакаты, что вы видели в детском читальном зале, присылают нам из Библиотечной ассоциации Айовы. БАА входит в Библиотечную ассоциацию Среднего Запада, а та, в свою очередь, состоит в Национальной библиотечной ассоциации. Последняя и получает львиную долю бюджетного финансирования. Следовательно, существует за счет налогоплательщиков. То есть нас с вами.

Сэм нервно переминался с ноги на ногу. Ему вовсе не улыбалось потратить день на лекцию по библиотечному делу; с другой стороны, разве он не сам на это напросился? Конечно, сам. Лишь в одном он был твердо уверен: Арделия Лорц с каждой минутой нравилась ему все меньше и меньше.

– Библиотечная ассоциация Айовы каждый месяц присылает нам бюллетень, в котором напечатано около сорока репродукций плакатов, – неумолимо продолжала мисс Лорц. – Любые пять мы можем выбрать бесплатно, а вот за каждый из последующих нужно платить три доллара. Вижу, вы уже торопитесь, Сэм, но вы заслужили того, чтобы я вам все объяснила, а мы уже как раз подошли к сути вопроса.

– Я? – встрепенулся Сэм. – Я вовсе не тороплюсь.

Мисс Лорц понимающе улыбнулась, обнажив два ряда ровных зубов; слишком ровных, чтобы быть настоящими.

– У нас есть специальный детский комитет, – сказала она. – Вас интересует, кто входит в его состав? Разумеется, одни дети! Девять человек. Четверо старшеклассников, трое учеников средних классов и двое из начальных. Привлекаем мы только хорошистов и отличников. Они сами выбирают некоторые книги, прошлым летом выбрали новые обои и столы... ну и плакаты, само собой разумеется, тоже они выбирают. Это, как выразился один из младших членов комитета, «самая потеха». Теперь-то, надеюсь, вы понимаете?

– Да, – кивнул Сэм. – Красную Шапочку, Растяпу Саймона и Библиотечного полицейского выбрали сами дети. А все потому, что дети обожают страшилки.

– Совершенно верно! – просияла мисс Лорц.

Внезапно Сэм почувствовал, что все – с него хватит. Он уже досыта сыт этой библиотекой. Не плакатами, нет, и даже не библиотекаршей, а самой библиотекой. Она вдруг представилась ему болезненной занозой в заднице. Нет, что бы это ни было – с него хватит!

– Скажите, мисс Лорц, а держите ли вы в детской читальне копию «Кошмара на улице Вязов. Часть 5»? Или пластинки «Ганз энд роуез» и Оззи Осборна?

– Сэм, вы не поняли, – терпеливо начала она.

– А как насчет «Пейтон плейс»? Эту книгу вы тоже храните в детском зале, потому что кто-то из детишек удосужился ее прочитать? – И подумал при этом: «Неужели кто-нибудь по-прежнему читает такое старье?»

– Нет, – покачала головой мисс Лорц, щеки которой от негодования порозовели; эта женщина явно привыкла к тому, чтобы ее слова принимали на веру. – Тем не менее мы держим книжки, в которых описываются вторжения в чужой дом, жестокое обращение с детьми и кражи со взломом. Я имею в виду «Златовласку», «Гензель и Гретель», а также «Джека и фасольку». Я

рассчитывала, Сэм, что вы окажетесь понятливее.

«Конечно, вы ведь меня выручили, – подумал Сэм, – а я еще тут капризничаю. А разве вам платят не за то, чтобы вы советовали, какую книгу выбрать?» Однако он снова взял себя в руки. Кстати, что эта Арделия имела в виду под словами «такой человек, как вы»? Впрочем, вдумываться Сэму было некогда, так как он понял, что их дискуссия вот-вот перерастет в жаркий спор. А ведь он пришел сюда только для того, чтобы немного оживить свою речь, а вовсе не ради пререканий по поводу библиотечных правил, тем более в читальном зале для детей.

– Вы уж извините, если я сказал что-то обидное, – произнес он. – А теперь мне и правда пора идти.

– Хорошо, – ответила она. А глаза поведали: Я не принимаю ваших извинений. Нечего было грубить.

– Наверное, я просто немного нервничаю из-за предстоящего выступления, – добавил Сэм. – Полночи не спал, пока речь готовил.

И, угостив ее своей фирменной улыбкой, Сэм Пиблс поднял портфель.

Мисс Лорц немного успокоилась, однако глаза по-прежнему метали молнии.

– Понимаю. Мы поставлены здесь для того, чтобы служить людям, и рады любой здоровой критике со стороны налогоплательщиков. – Она слегка подчеркнула слово здоровой, давая тем самым понять, что критика мистера Пиблса к таковой не относится.

Теперь, когда все осталось позади, Сэму хотелось – его так и подмывало – загладить этот дурацкий конфликт, как морщинки на покрывале. «Деловая привычка, – подумал он, – или защитный рефлекс». Вдруг им овладела странная идея – а не поведать ли сегодня вечером в клубе о знакомстве с Арделией Лорц? Общение с ней позволило бы куда лучше понять, чем живет и дышит их городишко, нежели вся заготовленная с таким тщанием речь. Уж тогда его никто не обвинит в сухости. Вдобавок ротарианцам едва ли не впервые в истории клуба выпадет возможность услышать вполне правдивый рассказ.

– Ну хорошо, мы слегка погорячились, – словно со стороны, донесся до него его собственный голос, и тут же он увидел собственную протянутую руку. – Мне, конечно, не стоило затевать этот разговор. Надеюсь, вы не обиделись?

Библиотекарша прикоснулась к его руке. Легонько и как бы вскользь. Рука у нее была холодная. Сэму было очень неприятно. Словно поздоровался с ножкой торшера.

– Нисколько, – сказала мисс Лорц, но взгляд свидетельствовал об обратном.

– Что ж... Тогда мне пора.

– Да. И помните, Сэм, – не больше недели. – Она назидательно приподняла палец.

Полированный ноготь указывал на книги, которые он держал. Мисс Лорц улыбнулась. Что-то в ее улыбке начинало действовать Сэму на нервы, но он никак не мог решить, что именно.

– Мне бы не хотелось высылать к вам Библиотечную полицию.

– И мне тоже, – кивнул Сэм. – Я постараюсь вернуть книги в срок.

– Вот-вот, – промолвила Арделия Лорц, продолжая улыбаться. – Вы уж постарайтесь.

5

Сэм уже спустился с крыльца, но не прошел и до середины асфальтовой дорожки, как перед его глазами всплыло искаженное ужасом лицо мальчонки (Растяпа Саймон – так его дети прозвали, хотя это не слишком здорово), а с ним нахлынули и мысли; одна показалась Сэму настолько разумной и естественной, что он остановился как вкопанный. Да, предположим, что детский комитет и впрямь способен остановить выбор на подобном плакате... но неужели Библиотечная ассоциация Айовы или какая-либо иная могла отправить такой

плакат в детскую библиотеку?

Вспомнив ручонки мальчика, распластавшиеся на стекле автомобиля-похитителя, перекошенный кричащий рот, Сэм вдруг понял, что поверить в такое трудно. Более того – невозможно. А «Пейтон плейс?» Что про нее? Сэм знал, что большинство взрослых уже давно забыли этот роман. Неужели дети могли сами откопать это старье?

Нет, и я в это не верю!

Сэм не испытывал ни малейшего желания заполучить вторую инъекцию гнева Арделии Лорц – с него хватило и первой. Но ему вдруг показалось, что сердилась она далеко не на полную катушку. Он машинально обернулся.

Мисс Лорц уже и след простыл.

Наружная дверь Библиотеки была закрыта – вертикально прорезанный рот на угнетающе серой и мрачной гранитной физиономии.

Постояв еще немного, Сэм поспешил к машине, которую оставил неподалеку.

Глава 3

Речь Сэма

1

Успех был ошеломляющий. Начал Сэм с парочки анекдотов в собственной интерпретации (из сборника «Помощник оратора», раздел «Как их подготовить») – про фермера, пожелавшего одним махом продать всю свою продукцию, и про эскимосов, пытавшихся всучить замороженные ужины. Третий анекдот из того же раздела он воткнул в самую середину спича, которая была и

правда суховата. Еще один забавный анекдотец он нашел в разделе «Как подвести их к финишу» и уже начал было его переписывать, как вспомнил слова Арделии Лорц. Даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память, – сказала она.

Полистав «Любимые стихи американцев», раздел «Вдохновение», Сэм, как и предсказала библиотекаря, вскоре нашел небольшое стихотворение, показавшееся ему подходящим.

Сэм обвел взглядом обращенные к нему лица собратьев-ротарианцев и сказал:

– Я попытался пояснить вам некоторые причины, которые побудили меня жить и работать в таком тихом и маленьком городке, как Джанкшен-Сити. Надеюсь, что кое в чем вас убедил. В противном случае я себе не завидую.

В ответ грянул дружный хохот, щедро замешенный на густом алкогольном духе. Сэм изрядно вспотел, но настроение у него было приподнятое, и уже верилось, что он успешно выберется из этой передраги. Микрофон дал сбой лишь однажды, никто из присутствующих не покинул зал и не пытался швырять в оратора остатками еды, а немногочисленные свистки были явно одобрительными.

– На мой взгляд, все это гораздо лучше сумел выразить поэт Спенсер Майкл Фри, – добавил Сэм. – Ведь ни для кого не секрет, что все, чем мы здесь торгуем, можно купить гораздо дешевле в торговых центрах крупных городов или их предместий. Владельцы таких центров любят похвастаться, что у них можно купить все, что только душа пожелает, при этом не забывая заманивать покупателей бесплатными стоянками для автомашин. Пожалуй, они правы. Почти. Есть в крохотных городках нечто такое, чего ни за какие деньги нельзя приобрести в роскошных торговых центрах, и именно об этом говорит мистер Фри. Стихотворение совсем коротенькое, но с глубоким смыслом. Вот оно:

Чем смиренные души живут на земле —

Не тайна для нас с тобой:

Нужнее всего не вода им, не хлеб,

Не крыша над головой —

Хлеб зачерствеет, вода истечет,

Ветер разрушит крыши,

Но пожатие рук и голоса звук —

Вот песнь, что всегда мы слышим.[4 - Перевод А. Кудрявицкого.]

Оторвавшись от листка, Сэм второй раз за этот день с удивлением поймал себя на том, что говорит абсолютно искренне. Он вдруг почувствовал себя на вершине блаженства. До чего славно обнаружить, что у тебя еще есть сердце, что ты не совсем еще очерствел от бесконечной будничной рутины. Но еще приятнее сознавать, что чувства свои ты можешь высказать вслух.

– И мы, местные предприниматели, предлагаем это пожатие рук. С одной стороны, это немного... но с другой – почти все. Большого не бывает. Оно воистину не имеет пределов. – Сэм перевел дух. – В заключение хочу пожелать скорейшего выздоровления Невероятному Джо, которого мне пришлось заменить. Я хочу поблагодарить Крейга Джонса за предложение выступить перед вами и, наконец, хочу поблагодарить вас за внимание к моей нудной болтовне. Огромное спасибо!

Не успел он закончить последнюю фразу, как послышались первые хлопки, которые быстро сменились дружными аплодисментами; когда же, собрав отпечатанные Наоми листочки, озадаченный таким приемом Сэм сел на место, разразилась настоящая овация.

«Это все виски, – говорил он себе. – Такими же аплодисментами меня проводили бы, расскажи я им, как бросить курить».

Затем ротарианцы начали вставать из-за столов, и Сэм решил, что, должно быть, говорил слишком долго, раз всем уже настолько не терпится уйти. Однако гром аплодисментов не утихал, а в следующее мгновение Сэм заметил, что Крейг Джонс отчаянно подает ему какие-то знаки, и догадался: Крейг хочет, чтобы он встал и поклонился. Сэм лишь выразительно покрутил пальцем у виска: мол, ты спятил! Однако Крейг затряс головой и принялся страстно жестикулировать, словно проповедник, призывающий свою паству петь псалом громче. Сэм уступил ему, встал, поклонился и, к своему изумлению, услышал крики «браво!».

Минуту спустя на аналой поднялся Крейг. Аплодисменты и восторженные возгласы улеглись лишь после того, как он несколько раз постучал по микрофону – звук при этом был такой, словно гигантский кулак в перчатке молотил по крышке гроба.

– Думаю, что все со мной согласятся, – сказал он. – Речь Сэма с лихвой возместила нам деньги, выброшенные на жареного цыпленка, который оказался жестким как подметка.

Шутка Крейга тоже вызвала бурную овацию. И он обратился к оратору:

– Знай я наперед, Сэмми, на что ты способен, я бы уже давно тебя заарканил!

И эту реплику встретили одобрительным свистом и аплодисментами. Не дав им стихнуть, Крейг схватил Сэма за руку и энергично начал ее трясти.

– Просто изумительно! Откуда ты содрал эту речь, Сэм?

– Ниоткуда, – ответил покрасневший Сэм, хотя перед выступлением он выпил лишь слабенький джин с тоником; в голове сейчас приятно шумело. – Я сам ее написал. Взял только пару книжек в библиотеке, чтобы кое-что добавить.

Вокруг них собрались и другие ротарианцы, наперебой поздравляли Сэма и поочередно трясли за руку. Он вдруг почувствовал, что похож на водонапорную колонку во время летней засухи.

– Потрясающе! – гаркнул кто-то ему в самое ухо, и, обернувшись, Сэм узнал Фрэнка Стивенса, который как-то раз подменил на ораторской трибуне профсоюзного лидера, осужденного за мошенничество. – Жаль, на магнитофон твою речугу не записали – могли бы потом на всех углах ее продавать! Бабки заколачивать. Обалденное выступление, Сэм!

– Замечательно, Сэм! – вмешался Руди Перлман; его круглая физиономия покраснелась и блестела от пота. – Я чуть не расплакался! Ей-богу! А где ты такое стихотворение откопал?

– В библиотеке, – признался Сэм.

Он был еще немного не в своей тарелке, но облегчение от того, что испытание благополучно завершилось, уже потихоньку уступало место сдержанному ликование. Он даже подумывал, что не помешало бы вознаградить Наоми. Не успел он сказать Руди название книжки, как Брюс Инголс ухватил его за рукав и потащил к бару.

– Самая блестящая речь в нашем дурацком клубе за последние два года! – проорал Брюс. – А то и за все пять! Да и кому вообще нужен был этот идиотский акробат? Позволь, я угощу тебя стаканчиком, Сэм. Даже двумя, черт возьми!

2

До ухода из клуба Сэм пропустил аж целых шесть стаканчиков – угощение друзей, – а вот завершил триумфальный вечер плачевно, облевав коврик для ног с вышивкой «Добро пожаловать!» перед собственной входной дверью.

Случилось это сразу после того, как Крейг Джонс высадил его перед домом на Келтон-авеню. Сэм как раз безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину – задача не из простых, ведь ему мерещились целых четыре ключа и всего три замка, – когда тошнота подступила к горлу, и он просто не успел спрыгнуть с крыльца. Вот почему, отомкнув наконец дверь, Сэм просто нагнулся, приподнял обгаженный коврик и, аккуратно придерживая за углы, швырнул подальше.

Сэм заварил себе кофе, пытаясь прийти в чувство, но в это время зазвонил телефон. Очередные поздравления. Затем позвонил Элмер Баскин, которого и в клубе-то не было. Сэм ощущал себя примерно так же, как Джуди Гарланд в фильме «Рождение звезды», однако насладиться по-настоящему своим успехом мешали приливы тошноты и раскалывающаяся от боли голова. Такова кара за неумеренные возлияния с приятелями.

Включив в гостиной автоответчик, Сэм поднялся в спальню, выдернул из розетки телефонный аппарат, проглотил две таблетки аспирина, разделся и лег в постель. Веки сомкнулись сразу, мысли пьяно разбегались. И все-таки, прежде чем уснуть, Сэм успел подумать: «А ведь своим успехом я обязан Наоми... И еще

– этой неприятной особе из библиотеки. Хорст, что ли. Или Боршт. Забыл. Надо бы ее тоже отблагодарить».

Он услышал, как внизу звякнул телефон и тут же включился автоответчик. «Молодчина, – подумал Сэм, засыпая. – Делай свое дело, не подводи меня».

И провалился в небытие до десяти утра.

3

В субботу утром Сэм проснулся с горечью во рту и небольшой головной болью, но быстро утешился тем, что могло быть куда хуже. Коврик было жалко, но Сэм все равно радовался, что успел избавиться от отравы, ведь в противном случае легкой головной болью он бы уже не отделался. Постояв минут десять под душем, вытерся и, обернув голову полотенцем, спустился в гостиную. Горящая на автоответчике красная лампочка напоминала о записи. Сэм нажал кнопку, но лента промоталась назад совсем чуть-чуть; должно быть, записано лишь одно сообщение. Звонок, который слышал Сэм, засыпая.

Гудок. Затем:

– Здравствуйте, Сэм. – Сэм, вытиравший голову, нахмурился: женский голос показался ему неувлимо знакомым. – Я слышала, ваша речь удалась на славу. Очень рада за вас.

Это же Лорц, догадался Сэм. Но как она узнала номер моего телефона? Впрочем, его без труда можно было найти в любом телефонном справочнике... да и библиотечный формуляр он ведь тоже заполнил, не так ли? Конечно. И все же по какой-то необъяснимой причине по спине Сэма пробежал холодок.

– Напоминаю, чтобы вы вернули книги к шестому апреля, – продолжала она. И насмешливо добавила: – Не забудьте про Библиотечную полицию.

Послышался щелчок – библиотекарьша положила трубку. На автоответчике замерцала лампочка «Больше сообщений нет».

– Что-то вы мне не нравитесь, мисс Лорц, – пробурчал себе под нос Сэм и направился на кухню делать тосты.

4

Через неделю после блистательного дебюта в роли клубного оратора Сэм вручил Наоми длинный белый конверт, на котором было написано ее имя.

В эту пятницу дождь лил как из ведра.

– Что это? – подозрительно осведомилась Наоми, снимая плащ.

– Откройте и посмотрите.

Наоми вскрыла конверт и увидела красивую открытку со словами благодарности; к открытке была аккуратно подклеена банкнота с портретом Эндрю Джексона.

– Двадцать долларов! – изумилась Наоми. – За что?

– Ваш совет по поводу библиотеки меня просто спас, – сказал Сэм. – Видите ли, Наоми, речь восприняли на ура. Даже не стыдно похвастаться. Будь я уверен, что вы согласитесь, я бы дал вам полсотни.

Наоми наконец поняла, в чем дело, и по всему чувствовалось, что она довольна. Тем не менее деньги попыталась вернуть.

– Я очень за вас рада, Сэм, но не могу принять такой щедрый дар...

– Можете, – твердо сказал он. – И примете. Считайте, что я подрядил вас своим агентом за эту плату.

– Нет, тогда бы у меня тем более ничего не вышло, – махнула рукой Наоми. – Никогда не умела торговать. Даже когда мы в отрядах скаутов занимались благотворительными распродажами, печенье у меня только родная мать покупала.

– Наоми! – увещевающе произнес Сэм. – Девочка моя... Нет, не пугайтесь – я не собираюсь к вам приставать. Мы это уже выяснили два года назад.

– Верно, – согласилась Наоми, однако нервно оглянулась на дверь, словно пытаюсь убедиться, что путь к отступлению свободен.

– Между прочим, после этой чертовой речи мне уже удалось продать два дома и заключить страховые договоры на двести тысяч долларов. Пусть даже и по мелочи, но все равно общая сумма набегает почти на новую машину. Так что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последним дерьмом буду считать.

– Сэм! – уязвленно вскричала Наоми.

Убежденная баптистка, она регулярно посещала вместе с матерью церквушку в Провербии, почти такую же развалюху, как и их собственный домишко. Сэм знал это, поскольку однажды побывал в их лачуге.

Летом 1988 года Сэм дважды приглашал Наоми на свидание. При второй встрече попытался дать волю рукам. Не слишком, правда, настойчиво, но сомнений в его намерениях у Наоми не осталось. Впрочем, Сэм так своего и не добился – по части отражать наскоки противника Наоми дала бы сто очков вперед любому защитнику футбольной лиги. Дело не в том, что Сэм ей не нравился, объяснила она потом, просто показалось, что в «этом плане» ничего у них не склеится. Озадаченный Сэм поинтересовался – почему? Но Наоми только покачала головой. «Есть вещи, которые трудно объяснить, Сэм. У нас ничего не выйдет, я это чувствую. Вы уж мне поверьте». Вот и все, чего он сумел от нее добиться.

– Извините, Наоми, это у меня случайно вырвалось. – Сэм говорил сейчас с покаянным видом, хотя в глубине души сомневался, что Наоми и вправду такая строгая, какой пытается казаться. – На самом деле я хотел сказать, что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последней какашкой почувствую.

Наоми спрятала деньги в сумочку и посмотрела на Сэма. Как ни старалась она выглядеть строгой, но чуть дрогнувшие в последний миг уголки рта выдали ее.

– Ну вот. Удовлетворены?

– Н-да, надо было дать полсотни, – сокрушенно вздохнул Сэм. – Возьмете полсотни, Оми?

– Нет, – ответила она. – И не называйте меня Оми. Ведь знаете, что мне это не нравится.

– Извините.

– Так и быть, прощаю. Только давайте наконец оставим эту тему. Я уже от нескольких человек слышала, как вы замечательно выступили, – сказала Наоми. – Крейг Джонс просто без ума от вас. Вы и правда думаете, что именно из-за этой речи дела пошли в гору?

– Не исключено... – начал было Сэм, но осекся; затем все-таки продолжил: – Да, я абсолютно уверен. Порой такое, конечно, случается, но быстро проходит. Как бы то ни было, за последнюю неделю показатели всех моих сделок подпрыгнули до потолка. Скоро, конечно, вновь упадут, но не думаю, что совсем уж до нуля. Если новым клиентам понравится, как я веду дела – а я надеюсь, что будет именно так, – то они останутся со мной.

Сэм откинулся на спинку кресла, переплел пальцы на затылке и задумчиво уставился в потолок.

– А ведь когда Крейг Джонс позвонил и предложил мне выступить, я его в первую минуту просто убить хотел. Честное слово, Наоми, поверьте.

– Верю. Вид у вас был совершенно удрученный.

– В самом деле? – улыбнулся он. – Что ж, вполне возможно. Забавно, как порой все оборачивается. Чистейшее везение, конечно. Если Бог и в самом деле существует, то иногда мне кажется, что он просто не успевает следить за своим хозяйством.

Сэм ожидал, что Наоми отчитает его за святотатство (такое уже не раз прежде случилось), но сегодня она, похоже, решила не ступить на тропу войны. Вместо этого только сказала:

– Если вам и правда пригодились книги, взятые в библиотеке, то можете действительно считать себя везунчиком. Ведь обычно по пятницам библиотека открывается лишь в пять часов вечера. Я хотела предупредить вас, но забыла.

– Вот как?

– Вы, должно быть, застали там одного мистера Прайса, который свои бумажки раскладывал?

– Прайса? – вскинул брови Сэм. – Вы имеете в виду мистера Пекхэма? Вахтера, который там вытирает пыль и утреннюю газету читает?

Наоми покачала головой.

– Сколько я здесь живу, но слышала только про одного Пекхэма – старого Эдди, который уже давно умер. Нет, я имею в виду мистера Прайса, библиотекаря. – Она посмотрела на Сэма, словно недоумевала, как можно быть таким тупицей. – Высокий мужчина, худой. Лет пятидесяти.

– Нет, – пожал плечами Сэм. – Я встретил там только даму. Лорц. Маленькая, кругленькая, седовласая; примерно в том возрасте, в каком женщин притягивает ярко-зеленая синтетика.

На лице Наоми отразилась целая гамма чувств: озадаченное изумление, граничащее с легким гневом, вдруг уступило место подозрению; подозрение же, в свою очередь, сменили веселые искорки, заблестевшие вдруг в ее глазах. Такая последовательность всегда означает только одно: человек понял, что его пытаются одурачить. При других обстоятельствах Сэм, возможно, и пораскинул бы мозгами на сей счет, но, пробежав целую неделю по своим делам, он настолько запустил канцелярию, что уже не хотел отвлекаться.

– Понятно, – хихикнула Наоми. – Значит, мисс Лорц? Должно быть, вы получили массу удовольствия.

– Она, конечно, дама со странностями, – признал Сэм.

– Мягко говоря, – согласилась Наоми. – Хотя на самом деле она совершенно...

В это время зазвонил телефон. Договори девушка эту фразу, Сэм Пиблс, возможно, очень и очень испугался бы. Однако фортуна – как он и сам только что подметил – порой вмешивается в дела людей совершенно поразительным образом. Так случилось и на сей раз. Телефон продолжал звонить.

Берт Айверсон, глава местной ассоциации адвокатов, именно сейчас решил обсудить с Сэмом детали колоссальной страховой сделки – предстоящего страхования нового медицинского центра. В итоге, когда разговор закончился, Сэм уже и думать забыл о мисс Лорц.

Возможная крупная операция по страховке завладела им целиком; ведь в случае удачи он точно приобретет «мерседес-бенц», о котором столько лет мечтал. Да и не так уж важно в конце концов выяснение, какой именно части своего успеха он обязан этому удачному выступлению в клубе.

Наоми же была искренно убеждена, что Сэм просто ее разыгрывал; она слишком хорошо знала, что представляет собой Арделия Лорц, и была уверена, что и Сэм знает ее не хуже. Как-никак эта женщина была замешана в самой громкой и скверной истории из тех, что случились в Джанкшен-Сити за последние двадцать лет... а то даже и вообще после второй мировой, когда Моггинс вернулся после войны с помутившимся рассудком, расстрелял всю свою семью, а затем покончил и с собой. Когда Айра Моггинс сделал это, Наоми еще и на свете не было; но ей даже в голову не пришло, что и история с Арделией случилась задолго до того, как Сэм появился в Джанкшен-Сити.

Как бы то ни было, Наоми быстро выкинула эти мысли из головы и к тому времени, когда Сэм положил трубку, обдумывала, что из диетических продуктов купить на ужин. После этого ровно до двенадцати Сэм диктовал ей письма, а затем пригласил Наоми составить ему компанию за ленчем в ресторанчике «Мак-Кенна». Однако Наоми отказалась, сославшись на то, что ее мать за зиму «совсем ослабла, бедняжка». Про Арделию Лорц они больше не вспоминали.

В тот день.

Глава 4

Пропавшие книги

1

Обычно Сэм всю неделю довольствовался легкими завтраками – стаканом апельсинового сока и овсяной булочкой, – а вот по субботам (во всяком случае, по тем субботам, когда не страдал похмельем после слишком бурного ротарианского застолья) любил выспаться всласть, встать попозже, прогуляться пешком до расположенного на площади ресторанчика «Мак-Кенна» и за чтением (а не обычным просматриванием) газеты насладиться горячим бифштексом с яичницей.

Именно так сложился его распорядок на следующее утро, седьмого апреля. Дождь, накануне ливший весь день, наконец прекратился, и нежно-голубое небо дышало весной. После завтрака Сэм неспешно двинулся домой, останавливаясь перед каждой клумбой полюбоваться на только что распустившиеся тюльпаны и крокусы. Вернулся он домой в десять минут одиннадцатого.

Лампочка на автоответчике горела. Сэм нажал кнопку и достал из пачки сигарету, собираясь закурить.

– Здравствуйте, Сэм. – Спичка застыла в шести дюймах от сигареты: вкрадчивый голос Арделии Лорц он не спутал бы ни с каким другим. – Вы меня крайне разочаровали. Почему вы не сдали книги вовремя?

– О дьявольщина! – вырвалось у Сэма.

Целую неделю его преследовала какая-то неясная мысль – так порой вертится на кончике языка забытое слово, выводя вас из душевного равновесия. Книги. Проклятые книги. Эта женщина, должно быть, уверовала, что он истый филистимлянин, который только и знает что лицемерно рассуждать о том, каким

плакатам место в детской библиотеке, а каким – нет. Вопрос только, отчитает ли она его прямо сейчас или прибережет это удовольствие для личной встречи.

Сэм бросил обгоревшую спичку в пепельницу рядом с телефоном.

– Мне казалось, что я вам четко объяснила, – продолжал ее вкрадчивый и вместе с тем неумолимый голос, – «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев» – книги из справочно-библиографического отдела, которые выдаются только на одну неделю. Я была о вас лучшего мнения, Сэм. Вы меня чрезвычайно разочаровали.

И тут Сэм, к своей досаде, осознал, что стоит, зажав в зубах незакуренную сигарету, и отчаянно, по-мальчишески, краснеет. Как будто он снова очутился в четвертом классе – только на сей раз в углу, да еще и в нахлобученном на голову бумажном колпаке – позорном головном уборе лодыря.

В голосе Арделии Лорц зазвучали снисходительные нотки:

– Тем не менее я решила простить вас и продлить срок; можете вернуть книги до полудня в понедельник. И пожалуйста – не навлекайте на себя неприятности. – Чуть помолчав, она добавила: – Помните о Библиотечной полиции, Сэм.

– Арделия, детка, тебе это не надоело? – проворчал себе под нос Сэм, но слушать его было некому: Арделия, напомнив про Библиотечную полицию, повесила трубку.

2

Сэм чиркнул спичкой и закурил. После первой же затяжки его осенило. Быть может, он и проявит некоторую трусость, но зато уладит сложности с мисс Лорц раз и навсегда. Да и вообще – справедливость того требует.

Ведь вознаградил же он Наоми! А теперь отблагодарит Арделию. Сев в кабинете к тому самому столу, за которым сочинял свою знаменитую речь, Сэм придвинул блокнот и начал писать, чуть отступив от фирменной шапки «Со стола СЭМЮЭЛЯ

ПИБЛСА»:

«Уважаемая мисс Лорц!

Прошу извинить меня за то, что не сдал в срок Ваши книги. Поверьте, мои извинения абсолютно искренни, ведь книги эти очень помогли мне. Прошу Вас принять этот штраф за просрочку. Остальное – в знак моей глубочайшей признательности – оставьте себе.

Искренне Ваш

Сэм Пиблс».

Перечитывая записку, Сэм выудил из ящика стола скрепку и подумал было, не поменять ли «Ваши книги» на «библиотечные книги», но решил оставить все как есть. Арделия Лорц, по его глубочайшему убеждению, была из когорты людей, относящих знаменитое высказывание «Государство – это я»[5 - Приписывается Людовику XIV.] целиком на свой счет, даже если «государством» в данном случае и считается местная библиотека.

Он достал из бумажника двадцатидолларовую купюру и прикрепил скрепкой к записке. Затем призадумался, нервно барабаня пальцами по столу. «Эта Лорц может подумать, что я пытаюсь ее подкупить. Обидится и, чего доброго, еще в бутылку полезет».

Впрочем, по большому счету ему было на это наплевать. Сэм прекрасно понимал, что скрывалось за утренним звонком мисс Лорц. Он слегка перестарался, когда высказывал свое мнение по поводу плакатов в детском читальном зале, и теперь библиотекарша пыталась хоть как-то поквитаться с ним. Однако четвертый класс остался в далеком прошлом, да и Сэм уже нисколько не напоминал себя прежнего – запуганного мальчонку, которого ничего не стоило отодрать за уши. Теперь уж он никому не разрешит унижать себя. И тем более не спасует перед какой-то дурацкой старушенцией-библиотекаршей, позволяющей себе выставлять в фойе щиты с наглыми надписями и читать нотации менторским тоном.

– Пошла ты... – громко выругался он. – Не возьмешь у меня деньги – отправь их в библиотечный фонд или еще куда-нибудь.

Сэм положил записку с пришпиленной к ней двадцаткой на стол. Он не питал ни малейшего желания передавать деньги лично, дабы не выслушивать очередную нотацию. Нет, он поступит иначе. Вложит записку с деньгами в одну из книжек, чтобы краешек чуть торчал наружу, сами книжки перетянет парой резинок и сбросит в библиотечный книгоприемник. Прожил же он в Джанкшен-Сити шесть лет, не зная Арделию Лорц; если повезет, то и ближайшие шесть лет обойдется без нее.

Теперь оставалось только найти сами книги.

В кабинете их не было, это точно. Сэм прошел в столовую и посмотрел на журнальном столике, где обычно оставлял вещи, которые должен был возвратить. Там лежали только две видеокассеты из салона Брюса, конверт с грифом «Пейпербой» и две папки со страховыми полисами... Ни «Помощника оратора», ни «Любимых стихов американцев» на столе не было.

– Проклятие, – сплюнул Сэм, почесывая затылок. – И куда, черт возьми, они запропалились?

Он отправился на кухню. В сердцах швырнул свежую газету в картонную коробку и осмотрел стойку. И здесь ничего, если не считать упаковки, из которой он вынул вчера вечером замороженный ужин.

Сэм неторопливо поднимался на второй этаж. На душе у него уже скребли кошки.

3

В три часа дня Сэм был в бешенстве, рвал и метал. Готов был лезть на стенку. Дважды прочесав весь дом вдоль и поперек, во второй раз перевернув вверх дном даже чулан, он отправился в контору, хотя и был абсолютно уверен, что, уходя с работы в понедельник, прихватил книжки с собой. Ясное дело – и в

конторе злополучных книг не оказалось. И вот результат – половина прекрасного субботнего утра в разгар весны потрачена впустую на поиски каких-то дурацких библиотечных книжек.

Голос Арделии Лорц звенел у него в ушах: Помните про Библиотечную полицию, Сэм. Он представлял, как бы возрадовалась эта мегера, узнав, сколько неприятных минут доставила ему. Сэм ничуть не сомневался, что, существуя такая полиция на самом деле, эта женщина непременно натравила бы ее на него. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился.

Сэм бросился к себе в кабинет. Со стола на него укоризненно смотрела записка с двадцаткой.

– Дьявольщина! – в сердцах сплюнул Сэм.

Он уже решил было обшарить дом еще раз, но в последний миг передумал. Бесполезно. И вдруг в его ушах зазвенел голос матери, которой давно не было в живых. Мягкий и увещающий: «Помни, Сэмюэль: когда долго не можешь чего-то найти, не стоит тратить время на бесполезные поиски. Сядь и как следует все обдумай. Пошевели мозгами, а ноги побереги до лучших времен».

Сэму было десять лет, когда мать дала ему этот совет; что ж, и теперь, когда ему уже сорок, совет ничуть не утратил актуальности. Сэм сел за стол, зажмурился и попытался припомнить все про эти треклятые книжки с той самой минуты, как получил их из рук мисс Лорц и до... неведомо чего.

Из библиотеки он привез книги к себе в контору, заскочив по пути в пиццерию; там взял себе пиццу с грибами и перчиками, которую умял уже в конторе, заодно просматривая сборник «Помощник оратора». Сэм даже вспомнил, как внимательно следил, чтобы ни одна капля кетчупа не упала на страницы «Помощника», – сейчас, учитывая, что книги вообще пропали, это казалось полным издевательством.

Большую часть дня он работал над речью, вставляя куда нужно шутки, а потом полностью переделал концовку, чтобы подогнать ее под стихотворение. Вернувшись в пятницу днем домой, он привез с собой одну только речь, оставив книги в офисе. В этом Сэм был уверен. В «Ротари-клуб» его отвез заехавший за ним Крейг Джонс; Крейг же подбросил его домой и на обратном пути – как раз

вовремя, чтобы Сэм успел облевать коврик перед собственной входной дверью.

Субботнее утро ушло на мучительную борьбу с головной болью и крайне неприятным похмельем; остаток уик-энда он провел дома, читая, смотря телевизор и – что уж греха таить – упиваясь своим триумфом. Ни в субботу, ни в воскресенье он к своей конторе и на пушечный выстрел не приближался. В этом Сэм был уверен на сто процентов.

«Ну ладно, – подумал он. – Теперь начинается самое трудное. Попробуй сосредоточиться». Впрочем, особенно напрягаться ему не пришлось. Сэм мигом вспомнил, что в понедельник без четверти пять уже выходил из офиса, когда позвонил Стю Янгман и попросил выписать здоровенный полис на страхование домашнего имущества. (Затем подобные заказы посыпятся как из рога изобилия.) Разговаривая по телефону, Сэм краешком глаза видел, что обе библиотечные книжки лежат на краю стола. И, покидая офис во второй раз, он прихватил их с собой, зажав под мышкой. В том, что это было именно так, Сэм нисколько не сомневался.

В тот же вечер он хотел их сдать, но позвонил Фрэнк Стивенс и пригласил его в ресторан отужинать в семейном кругу. Оказалось, что к Стивенсам приехала племянница из Омахи (Сэм давно убедился в том, как трудно жить холостяку в маленьком городке – даже случайные знакомые моментально становятся сводниками). Ужинали они в «Брейдис Рибсе». Домой он вернулся поздно для будней – в одиннадцать, уже (естественно) совершенно позабыв о книгах. И больше про них не вспоминал. Внезапно навалившиеся заказы отнимали столько времени и сил, что он снова вспомнил про проклятые книжки уже только после звонка Лорц.

«Что ж, вполне вероятно, что я больше к ним не прикасался. Значит, книги должны быть там, где я их оставил, вернувшись в понедельник с работы». На мгновение зародилась надежда – а вдруг книги просто остались в машине? Но в следующую минуту, уже встав, чтобы пойти и проверить, Сэм отчетливо вспомнил, как переложил портфель в руку, зажимавшую под мышкой книги, чтобы вынуть из правого кармана ключ. Нет, в машине их быть не может.

«Ну и чем ты занялся, когда вошел?» – спросил он себя и мысленно представил, как открыл дверь в кухню, вошел, водрузил портфель на табуретку, покрутил книги в руках и...

- О нет! - Он сжал кулаки. - Только не это.

В воздухе отчетливо запахло бедой.

На полу, в кухне, между столом и газовой плитой, стояла картонная коробка из-под виски. Насколько Сэм помнил, она была там уже пару лет. Обычно люди при переездах складывают в такие коробки всякое барахло, но некоторым они также заменяют мусорные ведра. Сэм использовал эту коробку под ненужные газеты: каждый день, прочитав газету, швырял ее в эту коробку; точно так же, например, он и сегодня поступил с утренней газетой. А раз в месяц...

- Грязнуля Дейв! - пробормотал Сэм, вскочил из-за стола и бросился на кухню.

4

Коробка из-под виски с изображением ухмыляющегося Джонни Уокера в монокле была почти пуста. Роясь в газетах, едва прикрывавших дно коробки, Сэм уже знал, что ничего не найдет, но все-таки для очистки совести проверил. Так обычно ведут себя вконец отчаявшиеся люди, которые втайне надеются, что их желание сбудется, если хотеть по-настоящему. В коробке обнаружили только субботняя «Газетт» - от которой он избавился совсем недавно - и газета за пятницу. Ясное дело - никаких книг, ни внизу, ни в середине. Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, Сэм решил позвонить Мэри Вассер, женщине, которая приходила к нему по четвергам убирать.

- Алло, - послышался в трубке слегка встревоженный женский голос.

- Здравствуйте, Мэри. Это Сэм Пиблс.

- Сэм? - Тревожные нотки усилились. - У вас что-то случилось?

Да! В понедельник за мной начнет охотиться эта стерва, что заправляет нашей библиотекой! Возможно, даже запасется распятием и здоровенными гвоздями!

Разумеется, ничего подобного он сказать не мог, и тем более – Мэри, которая относилась к тем несчастным и загнанным душам, что появились на свет под несчастливой звездой и вели жалкое существование из-за своих вечных страхов. Люди, подобные Мэри Вассер, вообще свято убеждены, что ходить по тротуарам нельзя, потому что на голову вот-вот упадет кирпич. Или тяжелый бронированный сейф. Если не кирпич и не сейф, то тебя непременно собьет пьяный водитель. Или цунами. Цунами – в Айове? Да, цунами в Айове. Если же цунами обойдет стороной, то уж шальной метеорит точно не пощадит. И вообще Мэри Вассер была из тех, кто при каждом телефонном звонке прежде всего думает, что случилась беда.

– Нет, ничего, – поспешно ответил Сэм. – Все в полном порядке. Просто я хотел спросить, не видели ли вы в четверг Дейва?

Вопрос чисто формальный: газет все равно уже не было, а Грязнуля Дейв – единственный Газетный Троль в Джанкшен-Сити.

– Да, видела, – упавшим голосом признала Мэри; похоже, заверения Сэма, что все в порядке, привели ее в полное смятение, и в голосе уже слышался безотчетный ужас. – Он приходил за газетами. Что, не следовало впускать его? Но ведь он всегда приходил, вот я и подумала...

– Успокойтесь, Мэри, все нормально, – прервал ее Сэм с наигранной беззаботностью. – Просто, не увидев газет, я решил проверить...

– Но ведь раньше вы никогда не проверяли! – Голос Мэри сорвался почти на визг. – Скажите, Дейв жив? С ним ничего не случилось?

– Нет, – ответил Сэм. – То есть я ничего про него не знаю. Я только... – И тут его осенило. – Купоны! – выкрикнул он. – Я забыл вырезать газетные купоны в четверг, вот и подумал...

– Ах вот в чем дело! – Мэри мигом успокоилась. – Могу вам дать свои, если хотите.

– Нет, что вы...

– В следующий четверг принесу хоть целую кипу, – жестко заявила она. – У меня их миллионы. – «Все равно мне столько ни к чему, – угадывалось в ее тоне. – То ли кирпич на голову свалится, то ли сосна под собой похоронит, то ли пылесос взорвется. Жить мне осталось считанные минуты, поэтому на кой черт мне эти паршивые купоны?»

– Хорошо, – поспешил согласиться Сэм. – Спасибо большое, Мэри. Просто не представляю, что бы я без вас делал!

– Но вы уверены, что ничего не случилось?

– Абсолютно, – с готовностью соврал Сэм.

И тут же сравнил себя с взбесившимся сержантом, поднимающим оставшуюся горстку солдат в бессмысленную атаку на хорошо укрепленное пулеметное гнездо. «Вперед, парни, – враг наверняка дрыхнет там без задних ног!»

– Что ж, будем надеяться, – неуверенно произнесла Мэри, и Сэму наконец удалось повесить трубку.

Тяжело плюхнувшись на табуретку, он тупо уставился на коробку из-под «Джонни Уокера». И так, как он и предполагал, газеты унес Грязнуля Дейв, который всегда приходил за ненужными газетами в начале месяца. Однако на сей раз он прихватил с собой и еще кое-что: «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев». Сэм прекрасно понимал, во что теперь превратились эти книги. В бумажную массу. Ту самую, что получали, перерабатывая макулатуру.

Грязнуля Дейв был профессиональным алкоголиком. Не будучи в состоянии удержаться на постоянной работе, он занимался утилизацией отходов, принося тем самым немалую пользу. Собирал стеклотару, а кроме того, как и двенадцатилетний Кейт Джордан, кормился за счет газет. С той лишь разницей, что Кейт ежедневно развозил «Джанкшен-Сити газетт» по домам, а Грязнуля Дейв Данкен раз в месяц собирал их. Сэм часто видел, как Грязнуля толкает перед собой тележку, набитую бутылками, банками и пластиковыми мешками, по направлению к городскому утилю, который располагался между старым вагонным депо и небольшой ночлежкой для бездомных, в которой, как правило, ночевали Грязнуля Дейв и его собратья.

Сэм посидел еще немного, барабаня пальцами по столу, затем встал, натянул пиджак и вышел к машине.

Глава 5

Ангол-стрит (I)

1

Намерения у изготовителей уличного указателя были, конечно, самые благостные, да вот правописание подвело. Доска эта была прибита к лестничной опоре у входа в дряхлый дом близ железной дороги. Надпись на доске гласила:

АНГОЛ-СТРИТ.

Поскольку едва ли в айовском захолустье кто-то мог увековечить таким образом Анголу[6 - Имеется в виду страна в Африке.], Сэм решил, что на самом деле имелась в виду «Ангел-стрит», и великодушно подумал: «Пустяки». Даже если и вправду благими намерениями вымощена дорога в ад, все же люди, просто пытавшиеся хоть немного подлатать на этой дороге выбоины и рытвины, заслуживают доброго словца.

Прежде, когда Джанкшен-Сити был крупной пассажирской станцией, в этом доме располагались конторы железнодорожной компании. Теперь же лишь две служебные колеи, протянувшиеся на запад и восток, напоминали о старых временах. На остальных путях рельсы давно проржавели и буйно поросли бурьяном. Да и шпал почти не осталось – бездомные, собиравшиеся на Ангол-стрит, охотно пользовались ими для разведения костров.

Сэм приехал сюда без четверти пять. Клонившееся к закату солнце отбрасывало мрачную тень на пустырь, простиравшийся до самой городской окраины. Вдоль немногих домишек громыхал бесконечный товарный состав. Ветер крепчал. Выйдя из машины, Сэм услышал, как скрипит, раскачиваясь на ветру, древняя вывеска «ДЖАНКШЕН-СИТИ», укрепленная над платформой. Даже знаменитый «Солнечный экспресс» когда-то делал здесь единственную во всей Айове остановку по пути в Лас-Вегас и Лос-Анджелес.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882) – американский философ и писатель. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Роман В. К. Эндрюс.

3

Роман Грейс Металиес.

4

Перевод А. Кудрявицкого.

5

Приписывается Людовику XIV.

6

Имеется в виду страна в Африке.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/bibliotechnaya-policiya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)